

Лариса Миллер

В утреннюю смену
Избранные
стихотворения

СОДЕРЖАНИЕ

I. Четверг пока необитаем стихи XXI века	11
2018	11
О сколь удивителен мир...	11
Коль радостей нет, то душа побирается...	12
А жить без боли, как не жить...	12
Какая дивная возможность...	12
Стихи — они ведь капля влаги...	13
Ах, к чему бы прислониться...	13
Кто подтвердит, что я была...	14
Когда рождает мама детку...	14
Под ногами крутИться и взрослым мешать...	15
Никаких человеческих сил...	15
А пока я доносила...	16
А нынче вновь Творенья день...	17
Стихи есть крик: «И я здесь был»...	17
То там, то сям звучат фрагменты...	18
Не величие замысла, нет...	18
Ей-богу, легче стать любимым...	19
Когда уходишь, умоляю слёзно...	19
Жизнь выкидывает штучки...	20
А что касается меня...	20
Вот качнулась занавеска...	21
Какой же восторг я тогда испытала...	22

Сад поредел, потом зарос...	22
И новый день на свет явился...	23
И снова день, и снова мой...	23
Мы в этом мире не одни...	24
Какой нарядный нынче день...	24
Господь рассвет провозгласил...	25
Да никакой здесь жизни нет...	25
Да я бы отошла от дел...	26
2017	27
Мне только надо знать, что всё не зря...	27
Вот чудо: хоть явилась старость...	27
И всё же самый ценный дар...	28
Сначала он увлёкся мной...	28
Займитесь чем-нибудь. Стихи читайте что ли...	29
Коль Бог и есть, то Он не в Храме...	29
Ничто не ново под луной...	30
Идёшь с трудом? Идти далече...	30
Кто музыку такую сочинил...	30
Есть тишина, и мне она внимает...	31
Сегодня от сердечной полноты...	31
Мы чем занимаемся в этих краях...	32
О Господи, зачем ты нас завёл...	32
Опять здесь что-то попирают...	33
А лучшие из лучших полегли...	33
И опять перешагнём...	34
Я ничего не упустила...	34
2016	35
Сперва снега, а после — таянье...	35
А я люблю одну планету...	36
Нет, музыка вечна. Не вечны певцы...	36
И небо может быть чужим...	37
Запоминаю не обиды...	38

А я тогда жила в раю... ..	38
Я за слова не отвечаю... ..	39
Мне воробей дорожку перешёл... ..	39
Я не могу себе позволить... ..	40
Пожары, взрывы там и тут... ..	40
Какая нынче дозировка... ..	41
Вот опять обвели меня светлой каймой... ..	42
Не прекращаются поставки... ..	42
Тебе читали перед сном... ..	43
Я ребёнком жила на счастливой планете... ..	44
Говорю уходящему дню... ..	44
Проснулась я с чувством, что всё провалила... ..	45
Всё съела и хочу добавки... ..	45
Сказать, каков мой род занятий... ..	45
А тишина — зазор меж звуками... ..	46
И всё это — от полноты... ..	46
Живётся трудно взрослым, детям... ..	47
2015	48
Слова даны, чтоб вечно не хватало... ..	48
Я ещё одну минутку... ..	48
Живи, живи, не отвлекайся... ..	49
Как к этой жизни отношусь... ..	49
А где источник неувязок... ..	50
Нетленку пишут на коленке... ..	50
Здесь родилась и здесь же я росла... ..	51
— Кто пролетел? Кто прошуршал крылами... ..	52
Но это же время. Ну что с него взять... ..	52
Увяла дружба, отцвела любовь... ..	53
Ну как бы мне новое слово сказать... ..	53
Небо стоит того, чтобы снова проснуться... ..	53
Мне чудится: я здесь не зря торчу... ..	54
Вот ветер любит облако ваять... ..	54
Наверно, главное — не спорить... ..	55

Мы с одиночеством вдвоём...	55
Я снова в утреннюю смену...	56
Ну что ж, вступи в единоборство...	56
Поскольку жизнь такая сложная...	57
Как назвать этот путь...	57
Иди, иди, пока идётся...	58
Проснулась с пересошим ртом...	58
А можно поскулить...	59
Я не могу сойти со сцены...	59
Да человек ведь жить собрался...	60
2010-2014	61
Не мешайте ребёнку сиять...	61
А люди всё бегут, бегут...	62
Можно вычислить время прилива...	62
Идти по первому снежку...	63
Я говорю с пространством, с небом, с Богом...	63
Нет, мы не плачем, мы не плачем...	64
Ну что, мой милый, надышался...	64
И поцелуй в реке, просвеченной до дна...	64
А любовь до того молода, до того молода...	65
Что ни сутки, то круглая дата...	65
«Гуляйте, пейте. Я плачу»,...	66
Что ж, будем дальше умолять...	66
Ну вот опять и я и лето...	67
Хотите, опишу тоску...	67
А стихи уже есть, раз их можно мычать...	68
Послушай, комарик, мы крови одной...	68
Ну что не видала я тут в самом деле...	68
«Тихо, пусто», — подумала я по наивности...	69
Никто ведь не должен тебе ничего...	69
Спасибо, что погода есть...	70
Четверг пока необитаем...	70
Ютясь на маленьком отрезке...	70

Не договаривают все... ..	71
Если ты музыкант, значит должен любить тишину... ..	71
А мама собирается на бал... ..	71
Я от нежности таю, как тает на солнце снегурка... ..	72
А тогда, на начальном этапе... ..	72
Нет, послушай, когда я работала в школе... ..	73
Болела моя детская душа... ..	73
Ну а если я что и открыла, то настезь окно... ..	74
Чтоб здесь подольше задержаться... ..	74
2000-2009	75
Дитя лежит в своей коляске... ..	75
Поверь, возможны варианты... ..	76
Откуда всхлип и слабый вздох... ..	77
Жить в краю этом хмуром, в Евразии сумрачной трудно... ..	77
Ну чем не муза, чем не муза... ..	78
Творенье — разве это труд... ..	78
Всё способно умереть... ..	79
Боже мой, какое счастье... ..	79
У музыки моей на лице конопушки... ..	79
Чуть-чуть пишу, чуть-чуть читаю... ..	80
Неуютное местечко... ..	80
Как под яблоней неспелый... ..	81
Одинокий лист безродный... ..	81
И этот день кончается... ..	82
Не умираем никогда... ..	82
Рисунки тушью и углём..... ..	83
Да не знать нам ни тягот, ни муки... ..	83
А ещё я забыла сказать... ..	84
Вы меня слышите там, вдалеке... ..	84
Столько нежности, Господи. Воздух, крыло... ..	85

Уходить нельзя отсюда... ..	85
Здесь мостик над речкой дощатый и узкий... ..	86
А я пришла сюда за светом... ..	86
II. Между облаком и ямой: стихи 1964-1999 гг. ...	87
1990-1999	87
Нельзя так серьёзно к себе относиться... ..	87
Местоименье «Я» имеет место быть... ..	88
Эти поиски ключей... ..	88
Концы с концами я свожу... ..	89
Уйти легко, а вот остаться... ..	89
Время пишет бегущей строкой... ..	90
Московское детство: Полянка, Ордынка... ..	90
Если память жива, если память жива... ..	91
Откуда ты?... ..	91
Пишу стихи, причём по-русски... ..	92
Устаревшее — «сквозь слёз»... ..	93
Ждали света, ждали лета... ..	94
Спасибо тебе, государство... ..	94
Неужели Россия, и впрямь подобрев... ..	95
Кнутом и пряником. Кнутом... ..	95
Опять минуты роковые... ..	96
Оживление в больничке... ..	96
Так и маемся на воле... ..	97
А между тем, а между тем... ..	97
Всё вполне выносимо, но в общих чертах... ..	98
И ты попался на крючок... ..	98
Всё страньше жизнь моя и страньше... ..	99
Не вмещаю, Господи, не вмещаю... ..	100
Идут по свету дяди, тёти... ..	100
Во влажные кусты жасмина... ..	101
Не стоит жить иль всё же стоит... ..	102
Я опять за своё, а за чьё же, за чьё же... ..	102
Хоть бы памятку дали какую-то, что ли... ..	103

Когда сгину, Господи, когда сгину...	103
На линии огня, огня...	104
1980–1989	105
Любовь до гроба...	105
Между облаком и ямой...	105
Пахнет мятой и душицей...	106
И проступает одно сквозь другое...	106
Опять этот темп — злополучное «presto»...	107
А я ещё живу, а я ещё дышу...	107
И в чёрные годы блестели снега...	108
Но в хаосе надо за что-то держаться...	108
Такие творятся на свете дела...	109
Пью этот воздух натошак...	109
Прости меня, что тает лёд...	110
Люби без памяти о том...	110
Не больно тебе, неужели не больно...	111
Телячьи нежности. Позор...	111
То облава, то потрава...	112
Перебрав столетий груду...	112
Это всё до времени...	113
1970–1979	114
Ещё не всё, не всё. Ещё придёт черёд...	114
Не мы, а воздух между нами...	115
Не спугни. Не спугни. Подходи осторожно...	116
Где ты тут в пространстве белом...	117
Ни горечь, ни восторг, ни гнев...	118
А лес весь светится насквозь...	119
И всё равно я буду помнить свет...	120
Я вхожу в это озеро, воды колыша...	120
Почему не уходишь, когда отпускают на волю...	121
Господи, не дай мне жить, взирая вчуже...	121
Наступают сна неслышной...	122

Казалось бы, всё мечено...	122
Неужто этим дням, широким и высоким...	123
Всё было до меня, и я не отвечаю...	123
Иди сюда. Иди сюда...	124
К юной деве Пан влеком...	125
А чем здесь платят за постой...	125
Неясным замыслом томим...	126
А вместо благодати — намёк на благодать...	127
Что плакать ночи напролёт...	127
Точно свет на маяке...	128
1964–1969	129
Я знаю тихий небосклон...	129
На Беговой ли, на Садовой...	129
Поверить бы. Икону...	130
Не ждать ни переправы, ни улова...	130
Купальщиков схлынул поток...	131
И говорим о том о сём...	131
Для грусти нету оснований...	132
И всякий день — всё та же спешка...	132
Алфавитный указатель стихотворений	133

I. ЧЕТВЕРГ ПОКА НЕОБИТАЕМ:

СТИХИ XXI ВЕКА

2018

* * *

“What a wonderful world”

Louis Armstrong

О сколь удивителен мир,
Чьи воды всё то отражают,
Чем нас небеса поражают:
Оттенки и птичий пунктир.

О сколь удивительны мы!
О как мы легко забываем,
Что мы на краю, а за краем
Бескрайние залежи тьмы.

О как грандиозен рассвет,
Который всегда наступает
И мраку нас не уступает,
Сводя его тихо на нет.

О как изумителен тот,
Кто эту волынку затеяв
И бедами землю засеяв,
Заставил сиять небосвод.

* * *

Коль радостей нет, то душа подбирается.
Без радости жить она не собирается.
Она не стесняется, просит подать:
Подайте, мол, нищенке на благодать.
Ведь коль не поётся ей и не летается,
Такая душа и душой не считается.

* * *

А жить без боли, как не жить,
И остаётся с ней дружить.
То бишь, привыкнув к этой боли,
Не спрашивать её: «Доколе?»,
А встретив вместе с ней рассвет,
Сказать ей весело: «Привет!
Что будем делать? Чем займёмся?
Надеюсь, мы с тобой споёмся.
Ты будешь жару задавать,
А я тихонько подвывать».

* * *

Какая дивная возможность
Вздыхать, заметив жизни сложность.
Вздохнул — и вроде помогло,
Слегка от сердца отлегло.
Вздохнул — и вроде полегчало.
А если боль, что докучала,
Жжёт, не давая отдохнуть,
Попробуй тяжелей вздохнуть.

* * *

Стихи — они ведь капля влаги
И жить должны не на бумаге,
Должны в воздушной жить среде,
Как полагается воде.
Стихи — они подобье вспышки,
И место им совсем не в книжке,
Где буквы чёрные мертвы, —
А средь искрящейся листвы.
Стихи — они ведь что-то вроде
Дыханья по своей природе.
Ты не пиши их, не пиши.
Ты их возьми и надыши.

* * *

Ах, к чему бы прислониться,
Чем, скажите, заслониться
От несчастий и обид
В мире, где покой лишь снится,
Да и то лишь тем, кто спит?
Кто ж бессонницей страдает,
Тот вообще живёт, гадает —
Что же это? Кто такой
Тот, что лишь во сне бывает —
Восхитительный покой?

* * *

Кто подтвердит, что я была?
А, впрочем, для чего мне это?
Учиться надо у рассвета:
Пришёл, ушёл, и все дела.
Пришёл и светом всё залил,
Слегка обрадовал кого-то,
Ещё сложил и в рифму что-то
И черновик перебелил...

* * *

Когда рожает мама детку,
Ему на ручку этикетку
Обычно крепят, ярлычок,
Чтоб было ясно — новичок —
Он чей-то, он кому-то нужен,
Он не случайно был разбужен
И вытолкнут из тьмы на свет.
Есть тот, кем будет он согрет,
Накормлен, вынянчен, обласкан
И на земную жизнь натаскан,
В которой он не пропадёт,
И где всегда его найдёт
Дух Добрый по куску клеёнки,
Который крепят на ребёнке.

* * *

Под ногами крутИться и взрослым мешать...
Как же можно нас этого счастья лишать?
Вот бы, сделавшись вновь малолеткой,
Снова жить рядом с толстой соседкой,
Кипятящей в немислимом баке бельё.
О какое волшебное было жильё!
Дни мои чудеса мне сулили.
Ну зачем меня переселили?
Ну зачем мне добавили возраст и рост,
И отправили близких моих на погост,
Упразднили пресветлые дали,
Дом разрушили, век поменяли?

* * *

Никаких человеческих сил
На земные дела не хватает.
Вот бы знать, как другой выносил
Осень жизни, где поздно светает,
Осень жизни, что всё оголить,
Обнулить постоянно грозитя.
Почему он не жаждет свалить
Прочь с земли, а живёт, не боится.
Изо всех существующих книг
Ту читаю с особенной страстью,
Где про то, как осилил сей миг
Мой товарищ по трудному счастью.

* * *

А пока я доносила
Злые мысли до страницы,
Фраза: «Всё невыносимо»
Превратилась в щебет птицы.
Тихий возглас: «Вот досада,
Бесполезны все усилья»,
Превратился в гуцу сада,
Где мелькают птичьи крылья.
Все печали и тревоги,
Треволнения и страхи
Превратились по дороге
В распростёртых крыльев взмахи.
Причитанья — всё, мол, тщетно,
Жизнь — скитание без цели —
Встрепенулись незаметно,
Поднялись и улетели.

* * *

А нынче вновь Творенья день,
Деньковки собственного счастья.
Проснулся? Встань, прими участие,
В иголку ниточку продень.
Хоть сутки будешь хлопотать, —
Творенья акт не завершится,
Ты создал мир, а он крошится,
Необходимо подлатать.
Не понимаю, как в семь дней
Сумел Создатель уложиться,
И кто из нас сумел прижиться
Промеж небесных двух огней?
Творенье — это маета,
Мытарство, каторга, рутинка,
Незавершённая картина:
То свет не тот, то тьма не та.

* * *

Стихи есть крик: «И я здесь был».
Стихи есть зов: «Я был здесь тоже».
Стихи есть выкрик: «Вот я, Боже.
Я тоже есть. Ты не забыл?»
И все четыре стороны,
Миг прошлый, будущий, летящий
Такой вот надписью молящей
Исписаны, испещрены.

* * *

То там, то сям звучат фрагменты
Моих стишков про тьму и свет.
А коли так, то мне проценты
Должны начислить. Разве нет?
А я сижу, жую горбушку
На фоне песенки своей.
Стихосложение — не кормушка,
Будь ты хоть трижды соловей.
Что ж, хорошо, что мне поётся,
Хоть жизнь нелёгкую веду,
Но сочинять мне удаётся
В мажорном всё-таки ладу.

* * *

*«Главное — это величие замысла»
Иосиф Бродский*

Не величие замысла, нет.
Жизни важен пустяк, мелочовка:
Именины, веселье, обновка,
Сладкий сон и красивый рассвет.
Жизнь — летучих мгновений петит,
Блюдо пёстрое мелкой нарезки,
Всякий довод надменный и веский
Ей, как я понимаю, претит.
О, как ей патетичность вредна,
И при виде любого котурна
Ей мгновенно становится дурно,
И теряет сознание она.

* * *

Ей-богу, легче стать любимым,
Чем стать родным, незаменимым.
Любимых можно разлюбить
И потихонечку забыть.
А жить без существа родного —
Как жить без молока грудного
Младенцу, что впадет в тоску,
Коль срочно не прильнет к соску.

* * *

Когда уходишь, умоляю слёзно:
«Темнеет рано, приходи не поздно».
Иль говорю: «Такой холодный день.
Ты заболеешь, свитер пододень».
Но мысленно я знаешь что сказала,
Когда тебе я свитер навязала,
И что твержу я летом и зимой:
«Мне без тебя не жить, родимый мой».

* * *

Жизнь выкидывает штучки,
И остра её клешня.
Что ж, давай ходить за ручки,
Так, как ходит малышня.

Может, коль не разлучаться,
Коли рук не разнимать,
Не посмеет то случаться,
Что боюсь упоминать.

Жить бы жизнью тесной-тесной,
Не сводя друг с друга глаз,
Чтобы только луч небесный
Мог протиснуться меж нас.

* * *

А что касается меня,...
А впрочем, всё меня касается,
Включая птичку, что плескается
Во влаге ливневого дня,
Включая утренний прогноз,
Раскаты грома отдалённые
И то, как шепчутся влюблённые,
Чей еле слышимый вопрос —
«Ты меня любишь?»
«Да. А ты?» —
Доносится из темноты.

* * *

Вот качнулась занавеска,
Прилетела эсэмэска.
Прямо с утренних небес
Прилетело эсэмэс,
Сообщая лаконично,
Что явиться надо лично
Под большие небеса,
И на сборы — полчаса.
Это значит — я живая,
И должна я, не зевая,
Без задержки, сей же миг,
Им ответив, сделать клик:
Мол, спешу на перекличку,
Скоро буду. Ставьте птичку.

* * *

Какой же восторг я тогда испытала,
Когда я впервые по небу летала.
Мы с мамой летели куда-то на юг,
И вышел пилот из кабины, и вдруг
Спросил, на меня очень весело глядя:
«Ну как?» «Покачай посильней меня, дядя».
«А ты не боишься?» «Совсем не боюсь».
Я точно ведь знала, что не разобьюсь,
Я знала, что мы прилетим, куда надо,
Что я в этом мире любимое чадо,
И всё у любимого дитятки есть.
Мне было тогда то ли пять, то ли шесть,
И мир был надёжным, уютным и прочным,
Коль были проблемы, то с зубом молочным,
Который так сильно качался во рту,
Как тот самолётчик со мной на борту.

* * *

Сад поредел, потом зарос,
Потом замёрз, потом согрелся,
И всё же никуда не делся
Висящий в воздухе вопрос.
И луч пронзал его с утра,
И ветры вольные трепали,
Но на него ответ не дали
Ни луч рассветный, ни ветра.
Трепещет в воздухе: «Куда?»
И трепыхается: «Откуда
Сие немислимое чудо
И непосильная беда?»

* * *

1.

И новый день на свет явился
И, как положено, не сбился
Он ни со счёта, ни с пути.
Его прошу я: «Не лети,
Коль ты пришёл, случился, сбылся.
Чем суетиться и мелькать,
Давай такое извлекать
Из мига каждого и шага,
Что будет и тебе во благо,
И не позволит мне сникать».
«Ну что ж, — сказал он, — извлечём.
Ты шарь словами, я — лучом».

2.

И снова день, и снова мой.
Он сам проник ко мне домой
Разнообразными шумами
И бликом на оконной раме,
И беспардонным сквознячком,
И тенью, что легла ничком
Мне *под* ноги, прервав круженье.
«Я весь в твоём распоряженье, —
Сказал мне день, — я твой, я твой,
И ты жива, и я живой.
Что будем делать? Чем займёмся?
Коль планов нет, давай пройдемся.
Ведь мы же вроде не спешим.
Пока гуляем, всё решим».

* * *

Мы в этом мире не одни.
Нас навещают ночи, дни,
Нас навещают вёсны, зимы,
Которые неотразимы,
И так способны поразить,
Что мы стремимся отразить
Во всём, что пишем и рисуем
Тот мир, что столь неопишем.

* * *

Какой нарядный нынче день!
А мне о тряпках думать лень,
Не наряжаюсь.
Надела нечто набекрень
И отражаюсь
В весёлых лужах и ручьях,
И дух не только не зачах, -
Он воскресает,
И свет в лазоревых очах
Не угасает,
И дней весенних вязкий мёд,
Сердце растапливая лёд,
На землю льётся...
Не говори, что всё пройдёт
И не вернётся.

* * *

Господь рассвет провозгласил,
А есть ли силы — не спросил,
А есть ли силы на лучистый,
Просторный день, на луг росистый,
На то, чтоб поле перейти
Не торопясь, и по пути
То наблюдать за облаками,
То разводить беду руками.

* * *

Памяти Ани Саед-Шах

Да никакой здесь жизни нет.
Возможно, есть она на Марсе,
А на Земле — жутчайший бред,
Нашедший воплощенье в фарсе.
Ты пел и пел: мол, луч горит
И множит блёстки на сугробе,
И вдруг открыл: везде царит
Порядок тот, что в гардеробе,
И что тебя везде, всегда
Табличка грозная встречает:
Мол, за попавшего сюда
Никто нигде не отвечает.
Ответственности не несёт
Администрация. Учтите.
Богатство ваше не спасёт.
Всё ценное с собой берите.

11 февраля 2018 г.

* * *

1.

Да я бы отошла от дел,
Но ведь дела мои — какие?
Смотреть, как ветер налетел
И тронул веточки нагие,
Смотреть, как душу веселя,
Снежинки в воздухе мелькают,
Смотреть, как небо и земля
Весь день друг друга окликают.

2.

Слеза стекает по щеке.
А может, по щеке стекает
Снежинка, что на солнце тает,
А может, это налегке
Уходит долгая зима,
А может, тает жизнь сама.

2017

* * *

Мне только надо знать, что всё не зря,
Что всё не зря, не тщетно, не напрасно.
Не зря вот эта новая заря,
Вот этот луч, который светит ясно,
Не зря я родилась на белый свет,
Ну а конкретней, что не зря проснулась,
Не зря, на тропах оставляя след,
Прошла сквозь день и в вечность окунулась.

* * *

Вот чудо: хоть явилась старость,
Но юность не ушла, осталась.
Вот чудо: так они дружны,
Друг с другом так они нежны
И так нуждаются друг в друге,
Как очень близкие подруги.

* * *

И всё же самый ценный дар —
Умение держать удар.
Я жду удара отовсюду,
И знать-не-знаю, как я буду
Справляться с ним, коль нанесёт
Его судьба, и что спасёт,
И как мне быть — присесть? Пригнуться?
Вперёд бежать? Назад вернуться?

* * *

Сначала он увлёкся мной,
А после Инкой, после Милкой.
Он всех любил любовью пылкой
И совершенно неземной.
Очей влюблённых не сводил
Он с дамы сердца на уроке.
Не помню, посвящал ли строки
Он ей, но провожать ходил.
И, как положено, портфель
Носил за дамой обречённо.
Какое счастье увлечённо
Жить целых пять иль шесть недель:
Краснеть, бледнеть, сходить с ума...
Всё протекало так мгновенно,
Но всё же медленней, наверно,
Чем протекает жизнь сама.

* * *

Займитесь чем-нибудь. Стихи читайте что ли,
Чтоб было больше счастья, меньше боли,
Играйте песенку, хоть пальчиком одним.
День пролетит, другие вслед за ним
Последуют, нам что-то навевая.
Давайте встретим их, тихонько напевая,
Иль, млея от рассветного луча,
Прилипчивые строки бормоча.

* * *

Коль Бог и есть, то Он не в Храме.
Он нынче в белоснежной раме
Глядящего на мир окна.
Я нынче с Ним, а не одна
Гляжу в окно на май цветущий,
На небосвод, весне присуший,
И вижу, как Господь пленён
Тем днём, что Им же удлинён.

* * *

Ничто не ново под луной?
Да как же так? А внучек мой?
А внучек мой? Моя кровинка?
Он что? Он разве не новинка?
Он здесь впервые — мой внучок,
Он в этом мире новичок.
Ему всё внове, он всем внове,
И мир безумно рад обнове.

* * *

Идёшь с трудом? Идти далече?
Ну что ж. Взвали себе на плечи
Того, кому идти не в мочь,
Как и тебе. Кто день и ночь
Идёт-бредёт, дойти не чаёт.
Неси его и полегчает.

* * *

Кто музыку такую сочинил,
Тот знает то, чего никто не знает:
Куда уходит день, когда он тает,
Кто этот зимний вечер засинил,
И почему горят через один
Все фонари. И почему на свете
Живут одни лишь маленькие дети —
Те — с чёлочкой, те — в облаке седин.

* * *

Есть тишина, и мне она внимает.
Есть воздух, и меня он обнимает.
Есть небеса. Они мне дарят свет.
О Господи, чего здесь только нет?!
Уменья нет. Дай, Господи, уменьье
Ценить всё это каждое мгновенье.

* * *

Сегодня от сердечной полноты
Я с целым мирозданием на «ты».
Ну пусть не с ним, а лишь с его частичкой,
Помеченной заливистою птичкой.
Ну пусть всего лишь с областью одной,
Что стала мне за тыщу лет родной.
Ну пусть всего лишь с поредевшим садом,
С которым столько лет живу я рядом.
И, если даже с деревцем одним,
То небеса вселенские над ним.

* * *

Мы чем занимаемся в этих краях?
Мы что создаем? Мы с кем на паях?
Мы светлое завтра усиленно строим
Иль яму себе да и ближнему роим?
Нам что помогает — надежда, любовь?
Да им же всю морду расквасили в кровь.
А, может быть, вера? Её растоптали.
Могу вам поведать убийства детали.
Так что же нас держит? Цветочки, лучи?
А, может, от дома родного ключи?
Боюсь, что бессильны любые резоны,
И просто мы жить не умеем вне зоны.

* * *

О Господи, зачем ты нас завёл?
Ну для какой такой высокой цели?
Ты видишь, сколько с нами канители?
Твой мир без нас куда бы краше цвёл.
Ну кто ещё Тебя так «достаёт»,
И теребит Тебя и окликает?
Кошачье племя, знай себе, лакает,
А птичье племя, знай себе, клюёт,
А тучи в небе, знай себе, плывут,
А дождик летний, знай себе, лепечет.
А люди мир Твой, знай себе, калечат,
Потом Тебя спасать его зовут.

* * *

Опять здесь что-то попирают,
Опять надежды умирают,
Опять спешат здесь наказать
Того, кто тщится доказать,
Что, как во всем подлунном мире,
Здесь тоже дважды два — четыре.
«Нет пять, — орут, — нет пять, нет пять,
Он враг, пора его унять.
Он оскорбляет наши чувства.
У нас свой счёт, своё искусство,
Своя морковка, свой укроп.
Прочь, ненавистный русофоб».

* * *

А лучшие из лучших полегли.
Причём не сами. Им здесь помогли.
Им в сих краях охотно помогают.
Здесь лучших ни за что не проморгают.
На лучших у России острый нюх,
Не переносит Родина на дух
Особо одарённых, окрылённых,
Неведомо за что в неё влюблённых,
И, не желая с ними вместе жить,
Торопится на месте уложить.

* * *

И опять перешагнём,
Как сто раз перешагнули
Через ад, где жгли огнём,
Насылали мор и пули.
Через всё перешагнём —
Через то и через это.
Даже неким чёрным днём
Переступим через света
Нам предсказанный конец
И продолжим куролесить,
И сподобится Творец
В небе солнышко повесить,
Чтобы свет, как прежде тёл,
Чтобы люди, свету внемля,
Не пустились на утёл,
А спасали эту землю.

* * *

Я ничего не упустила?
Всех добрым словом угостила?
Всех навестила по пути,
Сказав заветное «лети»?
Я всем сегодня угодила?
Летучей рифмой всех снабдила?
Я всем, как только рассвело,
Успела подарить крыло?

2016

* * *

Сперва снега, а после — таянье,
А после — звонкий птичий гам...
Ты только не теряй отчаянья,
Оно необходимо нам,
Чтоб эту жизнь земную, грешную
Любить до боли, до тоски,
Чтоб птичья песенка нездешняя
Рвала нам душу на куски.

* * *

А я люблю одну планету,
Которой и на карте нету.
Её зовут «родная речь».
Где, если что и может течь,
То шесть проточных чистых гласных,
Счастливых и на всё согласных.

* * *

Нет, музыка вечна. Не вечны певцы.
Певцы отдают, к сожаленью, концы.
И тот, кем написана вечная fuga,
С земного сошёл, к сожалению, круга.
И тот, кто волшебнo её исполнял,
Он тоже, — простите за грубость, — слинял.
Ушли тромбонисты, ударники — в нетях,
А музыка... Что ей до смертников этих?

* * *

И небо может быть чужим,
Чужим и чуждым,
Глухим к деяниям моим
И к разным нуждам.
И утро может сквозняком
Влететь недобрым,
И неприятным холодком
Пройтись по рёбрам.
Да и земля, что уйму дней
Нас тупо носит,
Меня уютно ль мне на ней,
Увы, не спросит.
И веря, что в моём дому
Меня заждались,
Боюсь услышать: «Вы к кому?
Вы обознались».
И, если вышло всё не так,
Как опасалась,
И нынче небо мне не враг,
И прикасалась
Ко мне заря столь светозарной
Нежной дланью,
То я безумно благодарна
Мирозданью.

* * *

Запоминаю не обиды,
А только сказочные виды,
А только добрые слова,
И то, как росная трава
Погожим летним днём блестела,
И то, как синева густела.

* * *

А я тогда жила в раю,
В раю своём Замоскворецком,
Послевоенном, нищем, детском,
Простом, как «баюшки-баю»,
Как двор, как дом, как три звонка,
Что были сказочным паролем
При входе в рай. Давай отмолим
Тот рай. Он есть наверняка,
Хоть не найти туда тропы,
Хотя исчезли окна, крыши,
В нём обитающие мыши,
В него влюблённые клопы.

* * *

Я за слова не отвечаю,
Я просто в них души не чаю.
Они настолько хороши,
Что я не чаю в них души.
И как они ко мне попали?
Наверное, с небес упали:
Господь молчание хранил
И вдруг словечко обронил.
А я как раз под ним бродила,
Оно ко мне и угодило,
Легко в стихи мои легло,
И вмиг от сердца отлегло.

* * *

Мне воробей дорожку перешёл,
А после дрозд перелетел дорожку,
А после грач склевал сухую крошку,
Которую у ног моих нашёл.
Как хорошо среди друзей бродить,
Среди друзей крылатых и пернатых,
Беззлобных и ни в чём не виноватых,
Готовых звонких птенчиков плодить.

* * *

Я не могу себе позволить
Писать печальные стихи.
Меня так просто обездолить
Из-за малейшей чепухи.
Любые беды, точно овод,
Меня способны искушать,
Вот и выискиваю повод
Стихи о радости писать.

* * *

Пожары, взрывы там и тут,
А люди, знай себе, живут,
Весь мир — пороховая бочка,
А люди в нём живут и точка.
Живёт не этот, так другой,
Такой же, в общем, дорогой
И драгоценный, и родимый,
И крайне здесь необходимый,
Как, впрочем, все до одного,
Кто жил на свете до него.

* * *

Какая нынче дозировка
Чудес, явившихся на свет?
А мне в ответ: «Да их и нет.
Есть шмель, есть божия коровка,
Есть блик рассветный, есть роса...»
Кричу: «Да это ж чудеса!
Они мои. Беру все оптом.
Беру, покуда не истоптан
Рассветный влажный сад, беру
Теней бесшумную игру,
Лучей серебряные нити.
Всё это — в воздух заверните».

* * *

Вот опять обвели меня светлой каймой
И в живую картинку меня поместили,
И лучами, тенями меня угостили,
Мне доставив их, надо же, прямо домой.
Это значит, меня здесь имеют в виду
И включают в какие-то важные списки.
Вот я вижу пометки: «Доставить Лариске.
Её адрес: избушка в тенистом саду».

* * *

Не прекращаются поставки
Листвы и воздуха, и травки,
И птичьих стай, и летних гроз,
И света, и смертельных доз
Тоски и горечи, и боли,
И ветра, ветра, ветра в поле.

* * *

*Посвящается И.В. Ребельскому,
арестованному 10 мая 1948 года
по обвинению в сионизме
и погибшему на Лубянке¹*

Тебе читали перед сном?
Мне тоже перед сном читали.
Скрипел полами старый гном,
И ведьмы по небу летали.
Тому, кто молод и силён,
Удачно ветер дул попутный,
И был он густо населён —
Мой мир причудливо уютный.
И затихал волшебный сказ,
И мерно ходики ходили,
Когда соседа в поздний час
Навек из дома уводили,
Сажали в чёрный воронок,
Детей и близких взяв на мушку.
А я спала без задних ног,
Руками обхватив подушку.

¹ *Российская Еврейская Энциклопедия: «Иосиф Вениаминович Ребельский... В 1944 г., вступив с армией в Литву, принял деятельное участие в организации в Вильнюсе и Каунасе двух детских домов для более чем 400 еврейских детей, уцелевших во время оккупации...».* См. воспоминания дочери И.В. Ребельского:
<http://www.vestnik.com/issues/2003/0903/win/kuznetsova.htm>

* * *

Я ребёнком жила на счастливой планете,
И вокруг меня жили счастливые дети,
К нам во двор прилетали в апреле скворцы,
У подружек моих даже были отцы,
Что войну пережили, в ГУЛАГ не попали.
И с подружками мы керосин покупали
В керосиновой лавке напротив Кремля.
И была лепестками покрыта земля,
И блестели помытые в лужах калоши.
Тяжелей керосина не знала я ноши.
Он плескался в бидоне и запах его —
Это запах счастливого сна моего.

* * *

Говорю уходящему дню —
Его ветру, его изумруду
И его заревому огню:
«Я тебя никогда не забуду.
Не забуду ни свет твой, ни тень,
Ни твои золотистые пятна».
«Всё забудешь, — ответил мне день, —
Всё забудешь, но слушать приятно».

* * *

Проснулась я с чувством, что всё провалила,
Что лишь понапрасну я Бога молила,
Что лишь понапрасну всю долгую ночь
Я Бога молила мне как-то помочь.
Но только глаза приоткрыла — о Боже:
Так утро сияет. Он спас меня всё же.

* * *

Всё съела и хочу добавки,
Добавки солнышка и травки,
Теней ажурных и лучей,
И белых, как жасмин, ночей.
Я лето съела, как окрошку,
И даже облизала ложку.

* * *

Сказать, каков мой род занятий?
Раскинув руки для объятий,
Встречать грядущую зарю,
Которую благодарю
За то, что так приходит кстати,
За то, что так себе верна,
И в мир, в котором ночь черна,
Она такую вносит ясность,
Что понимаешь: мрак лишь частность,
И дивно явь озарена.

* * *

А тишина — зазор меж звуками,
А благодать — зазор меж муками,
А свет — зазор меж тьмой и тьмой.
В зазоре этом, милый мой,
Бытуем мирно мы и счастливо,
На черноту косясь опасливо.

* * *

И всё это — от полноты
Любви, отчаянья и муки,
И оттого, что в каждом звуке
Живёт боязнь немоты.
Всё оттого, что выносить
Должны мы безграничность эту,
А есть ли силы или нету
Господь забыл у нас спросить.

* * *

Юлику Киму

Живётся трудно взрослым, детям,
Но мы работаем над этим,
Стараемся по мере сил,
Чтоб всяк легко свой крест носил.
Носил легко, как носит тени,
Лучи и крестики сирени
Земля; как, не сочтя за труд,
Листву и блики носит пруд.
Мы, то есть барды и поэты,
Несём ответственность за это,
И всем, кому непросто жить,
Крыло готовы одолжить
И наделить таким азартом,
Чтоб финиш показался стартом.

23 декабря 2016 г.

2015

* * *

Слова даны, чтоб вечно не хватало
Нам слов сказать, куда душа летала
И что видала там, на высоте.
Слова даны, чтоб вечно о тщете
Мы помнили и ради сладкой пытки
Не оставляли тщетные попытки.

* * *

Я ещё одну минутку
Попросить у вас хотела:
Я не все печали в шутку
Обратить пока успела,
И не всё, с чем шутки плохи,
Превратила в приключенья,
И не все сумела вздохи
Сделать вздохом облегченья.

* * *

Живи, живи, не отвлекайся
И откликайся, откликайся
На все призывы бытия.
Ты любишь жить? И я, и я,
И я люблю летящих мимо,
Крылами машущих незримо,
Неуловимых, как намёк —
На что, спросить мне невдомёк.

* * *

Как к этой жизни отношусь?
Да я никак не отдышусь,
С утра до вечера напасти,
И никакой над ними власти.
Я скоро в отпуск попрошусь —
В короткий, внеочередной,
И чтоб напасти — ни одной.
Что, что? Такого места нету?
Я поищу по интернету.
А вдруг найду я рай земной.
Пусть захудалый, три звезды,
До моря три часа езды.

* * *

А где источник неувязок?
Кто сочинитель пёстрых сказок
С вкраплением счастья и беды?
Кто скрылся, заметя следы,
И не сказал, уйдя с земшара,
Куда нам в случае пожара
Звонить? Кого хулить, винить?
Кому спасибо говорить?

* * *

Нетленку пишут на коленке,
Меж делом, улучив момент,
В вагоне, прислонившись к стенке
Под нудный аккомпанемент
Колёсный, пишут на обрывке.
Ей не помеха толкотня.
Её творят, снимая сливки
С земного будничного дня.

* * *

Здесь родилась и здесь же я росла,
Гоняла мяч, когда была весна,
А в том районе я с ума сходила,
И места я себе не находила,
А там явился ты меня спасти,
А там бульвар, где начала писать
Стихи про то, как трудно жить на свете,
А там и сям гуляли наши дети,
На том трамвае ездилa домой
Или из дома. Это город мой —
Мой мир, что мной изъезжен и исхожен
И без меня, конечно, невозможен,
И невозможен, и непредставим,
Поскольку каждый шаг мой связан с ним —
С тем миром, что пируя иль скучая,
Живёт себе, меня не замечая.

* * *

— Кто пролетел? Кто прошуршал крылами?

— Сейчас скажу, но это между нами:

Дни пролетели, пронеслись лета.

— А что же там мелькали за цвета?

Что это были за цвета, за краски?

— Скажу, но ты не придавай огласке —

То были птицы пёстро пера:

Все твои «нынче», «завтра» и «вчера»,

Твои кануны, коих больше нету.

— А почему всё это по секрету?

— А потому что боязно спугнуть

Их тайный сговор удлинить твой путь,

Их тайный план свершить такое чудо,

Чтобы не дать тебе уйти отсюда.

* * *

Но это же время. Ну что с него взять?

Оно ведь бежит и летает, как хочет,

Ему всё равно, что тоска тебя точит,

Когда небеса продолжают сиять.

Но это ведь жизнь. Что поделаешь с ней?

Ну нет на неё, как известно, управы,

И, хоть её речи бывают корявы,

Не стоит просить: говори, мол, ясней.

Не будь её речь столь темна и тиха,

Ни музыки не было бы, ни стиха.

* * *

Увяла дружба, отцвела любовь.
Ну что ж ты хочешь? Это школа жизни.
На свете нет наставника капризней:
Ему ответишь — вызывает вновь,
Ответишь — снова вызовет к доске
Рассказывать о счастье и тоске.

* * *

Ну как бы мне новое слово сказать?
Ведь я же пришла не затем, чтобы снова
Твердить и твердить надоевшее слово,
В говоренных прежде словах увязать...
Вдруг слышу: «Не смей так про нас говорить.
Мы тоже умеем и петь, и парить».

* * *

*Джону и Шиле
Стратфорд-на-Эйвоне
апрель 2015 г.*

Небо стоит того, чтобы снова проснуться,
Утро стоит того, чтоб в него окунуться,
Воздух стоит того, чтоб дышать глубоко.
Вишня белая-белая, как молоко,
И зарядка на ней меня ждут с нетерпением,
Чтоб заняться со мной трепетаньем и пеньем.

* * *

Мне чудится: я здесь не зря торчу,
Не знаю чем, но чем-то я верчу
Здесь на земле, и даже сплошь да рядом
Исподтишка командую парадом:
Снабжаю мир небесной синевой
И воздухом, и музыкой живой.
И лишь одно никак не удаётся:
Понять, постичь — откуда ад берётся?

* * *

Вот ветер любит облако ваять,
А я люблю под облаком стоять
И ввысь глядеть, задравши подбородок...
Всё сочинил весёлый самородок,
Который вряд ли отдавал отчёт
Себе и в том, куда всё потечёт,
И в том — зачем, какой во имя цели,
И в том, как жить душе в болящем теле,
И как потом ей расставаться с ним,
И чем ей жить — мечтами? Днём одним?

* * *

Фрэнсису Грину

Наверно, главное — не спорить,
Ни с кем не спорить ни о чем.
Ведь смог Создатель не поссорить
С землёю небо, тень с лучом.
И, коли надо, значит, надо
Сходить с привычного пути.
И, коли время листопада, —
Ну что поделаешь, лети,
Как листья в рощице соседней.
И все ж, судьба, не обессудь.
Я не согласна на последний
Назначенный тобою путь.
И я с проектом нарушенья
Твоих порядков век ношусь,
И ни с одним твоим решением
Фатальным я не соглашусь.

* * *

Мы с одиночеством вдвоём
Весь день танцуем и поём,
Танцуем на лесных тропинках
В намокших от дождя ботинках.
Мы не скучаем никогда,
Не разлучат нас ни года,
Ни страны. Мы всё время вместе —
И в тишине, и в людном месте.

* * *

Я снова в утреннюю смену.
Едва ложится луч на стену,
Едва становится бело,
Едва в окне мелькнёт крыло, —
Я выхожу и утопаю
В росе и к жизни приступаю.

* * *

Ну что ж, вступи в единоборство
С судьбой и прояви упорство.
Она — туда, а ты — сюда.
Коль скажет: «Нет», скажи ей: «Да».
Коль скажет: «Время жуткой стужи»,
Скажи ей, что бывает хуже.
Коль скажет: «Ужас, полный крах!»,
Скажи: «Держи себя в руках».

* * *

Поскольку жизнь такая сложная,
Унынье — роскошь невозможная.
Ведь надо как-то выживать,
Прорехи, дыры зашивать,
Ткань жизни смятую разглаживать
И как-то быт земной налаживать,
И делать так по мере сил,
Чтоб он мне радость приносил.
А он упорствует, артачится,
Велит мне: «Плачь», а мне не плачется.
Вернее, плачется, но я
Лазурью обметав края
Канвы, на ткань взгляну опасливо
И вижу: светится. И счастлива.

* * *

Как назвать этот путь?
 Назови его необратимым.
Как назвать этот миг?
 Назови его невоплотимым.
Что же делать, скажи,
 Что же делать, о Господи, мне
С невозможным таким, тупиковым
 безжалостным «не»?
«Но ведь есть еще свет,
 свет немеркнущий, неборимый, —
Слышу тихий ответ, —
 Небесами моими творимый».

* * *

Иди, иди, пока идётся,
И ножками перебирай.
Пока твоя дорожка вьётся,
С тенями лёгкими играй.
Играй с лучами и тенями,
Что на твоём пути лежат.
Играй с огнём, верней, с огнями,
Что на ветру слегка дрожат.
Они слетят, увидишь дверцу
Меж оголившихся ветвей
И примешь близко-близко к сердцу
Летучий миг судьбы своей.

* * *

Проснулась с пересохшим ртом.
Не то нужна мне капля влаги,
Не то мне нужен лист бумаги,
А влаги капелька — потом.
К чему-то надо мне прильнуть
Не то душой, не то губами.
Рассветный луч в оконной раме
Велит мне сделать что-нибудь.
И, слушая его совет,
Я пью по капельке рассвет.

* * *

А можно поскулить,
Слезинки две пролить,
Добавив влаги слёзной
Глухой ночи беззвёздной,
Добавив вздохов ей?
И слышу я: «Пролей,
Пролей свои слезинки
Без всяческой заминки.
Ведь ночь сама грустна,
Ей тоже не до сна,
И ждёт, кому излиться
И с кем бы поделиться».

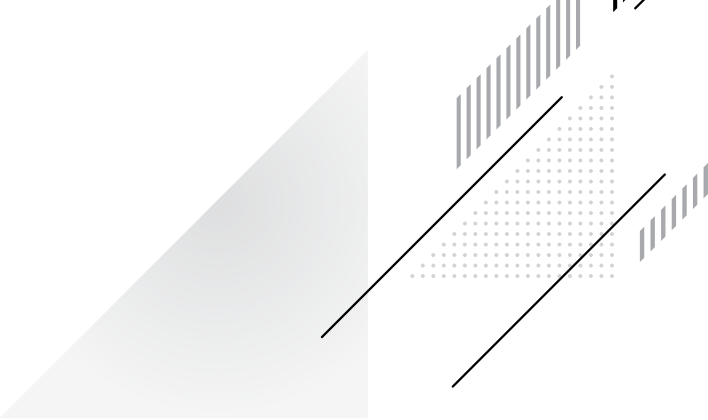
* * *

Я не могу сойти со сцены,
Поскольку не была на ней.
Я только что из пышной пены
Осенних золотистых дней.
И в пену снежную густую
Готова я нырнуть на днях.
Я жизнь веду вполне простую,
Но с чудотворцем на паях,
Который дарит мне возможность
Нырять из золота в серебро
И, презирая осторожность,
Даёт на всё своё добро,
На все фантазии на свете.
И тоже видит благодать
В том, чтобы каждый день на ветер
Слова летучие кидать.

* * *

*Памяти жертв теракта
в Париже 13.11.2015*

Да человек ведь жить собрался.
Едва родился, жить старался,
Смешными ножками сучил.
Когда подрос, стишки строчил.
Всё время чем-то загорался.
Да как же можно вдруг лишить
Его святого права жить,
Лишить излюбленных занятий,
И тело, ждущее объятий,
Слепыми пулями прошить?

2010–2014

* * *

Внуку Данечке

Не мешайте ребёнку сиять,
Ну прошу, не мешайте,
И счастливых смеющихся глаз
Этот мир не лишайте.
Что он стоит — подержанный мир —
Без такого сиянья?
Без него — он скопление дыр
И сплошное зиянье.
Если долго за взглядом следить —
За младенческим взглядом,
То далёко не надо ходить,
Всё чудесное рядом.

* * *

*Жертвам безумной распри
посвящаю*

А люди всё бегут, бегут
По той земле, что населяют.
А в них стреляют и стреляют,
Их здесь совсем не берегут.
Они бегут с узлом в руках,
С младенцем сонным на закорках,
С мечтою об уютных норках,
Где тишина, как в облаках.

А впрочем, гонится и там
Беда за ними по пятам.

Июль 2014 г.

* * *

Можно вычислить время прилива,
Скорость ветра и силу его,
Но захочешь понять, чем всё живо,
И опять не поймешь ничего.
Не поймешь, где тот скрытый моторчик,
Не дающий здесь всё сокрушить,
Почему задохнувшийся Корчак
Нам дышать помогает и жить.

* * *

Идти по первому снежку,
Потом по пятому, седьмому,
Идти то из дому, то к дому,
Почти приноровясь к шажку
Той вечности, что не спешит
И вместе с тропами петляет,
И след, который оставляет,
Сама же снегом порошит.

Идти по первому снежку,
Потом по пятому, седьмому,
Идти то из дому, то к дому,
Почти приноровясь к шажку
Ребёнка, что едва-едва
Земли коснулся, встав на ножки,
И удивляется дорожке,
И силится сказать слова.

* * *

Я говорю с пространством, с небом, с Богом,
А отвечают мне последним слогом.
Я вопрошаю: «Ждёт меня беда?»,
А мне в ответ — раскатистое «Да».
«Какие годы лучшие на свете?», —
Я спрашиваю. Отвечают: «Эти».

* * *

Нет, мы не плачем, мы не плачем.
И, будь мы хвостиком собачьим
Любой длины и толщины
С рождения оснащены,
Мы им бы весело виляли,
Безумно радуясь, что взяли
Нас погулять на белый свет,
Где можно взять волшебный след.

* * *

Ну что, мой милый, надышался?
Со светом белым наякшался?
Готов отчалить насовсем?
Что-что? Не всех коснулся тем?
Не всё успел, что было в списке?
Что-что? Не выучил английский?

* * *

И поцелуй в реке, просвеченной до дна,
До камушка на дне июньскими лучами,
И лёгких два крыла за юными плечами,
И лёгкая душа, а в ней — любовь одна.
Одна, совсем одна — без горечи, без мук,
Без памяти о них, без страха и без боли,
И чтоб на долю мне, поскольку ангел в доле,
Лишь выпало тепло меня обнявших рук.

* * *

А любовь до того молода, до того молода,
У неё всегда счёт на мгновения, не на года.
А любовь до того молода и легка на подъём,
Что шутя покидает того, с кем ей было вдвоём
Хорошо и тепло. А любовь так легка и юна,
Что, убив, не способна понять, что убила она.

* * *

Что ни сутки, то круглая дата,
Годовщина не знаю чего:
То ли дождика, то ли заката,
То ли ветра, порыва его,
То ли чьей-то любви несуразной,
То ли чьих-то великих побед...
Суть не в этом. Ты, главное, празднуй,
Всех сзывая на званый обед.

* * *

«Гуляйте, пейте. Я плачу», —
Вот так я говорю лучу,
Теням танцующим и свету,
Кустам цветущим, то есть лету,
Которое продлить хочу.

За луч, скользнувший по плечу,
За луг, где ноги промочу,
За белизну июньской ночи, —
Я жизнью, что ещё короче
За лето станет, заплачу.

* * *

Мише Кукулевичу

Что ж, будем дальше умолять
Упёртых и неумолимых,
И будем дальше утолять
Печали душ неуголимых,
Пытаясь миг приворожить
Шальной, утешить безутешных.
А чем ещё дышать и жить,
Скажите, на широтах здешних?

* * *

Ну вот опять и я и лето,
И гром, и дождик проливной,
И день, ушедший от ответа
На тот вопрос, что задан мной —
Мол, как, какими, мол, ветрами,
Судьбами нас на этот свет... —
И блики на оконной раме,
Вновь заменившие ответ.

* * *

Хотите, опишу тоску?
Осенний дождик морозящий,
Листву последнюю гасящий —
Хоть дуло приставляй к виску.

Хотите, счастье опишу?
Всё тот же дождь осенний редкий,
Всё тот же лист, слетевший с ветки,
Стихи, которыми грешу.

* * *

А стихи уже есть, раз их можно мычать,
Раз их можно, как воздух, потрогать губами.
А стихи уже есть, хоть не стали словами,
Хоть я ведать — не ведаю как их начать.

Впрочем, я не при чём. Я совсем не при чём,
И не мной потаённый процесс этот начат.
Но стихи уже есть — улыбаются, плачут,
Хоть пока и скрывают чему и о чём.

* * *

Послушай, комарик, мы крови одной!
Пока я спала, своего ты добился!
Ты крови моей до отвала напился,
И ты мне теперь ну совсем как родной,
А значит, как я, на лету, в кураже
Ты кровью, насыщенной адреналином,
Напишешь стихи о житье комарином.
Летаешь? Зудишь? Может, начал уже?

* * *

Ну что не видала я тут в самом деле?
Ну пруд, ну тропинка, ну сосны, ну ели.
Ну что я, ей-богу, не видала тут?
Ну сосны, ну ели, тропинка и пруд,
Беседка, где прячутся люди в ненастье.
Так что ж это я обмираю от счастья?

* * *

«Тихо, пусто», — подумала я по наивности.
Пригляделась — ого, сколько всяческой живности:
Муравьишек и мошек, жуков, червяков,
Разных крылышек, усиков, глаз, хоботков.
О какое творится кругом копошение,
Что прямое имеет ко мне отношение!
Я ведь тоже, когда на земле завелась,
Устанавливать разные связи взялась.
Я ведь, стоило мне на земле поселиться,
Тоже стала тревожиться и шевелиться.
Я ведь тоже завишу невесть от кого
И не знаю последнего дня своего.
Так зачем же иду, ослеплённая далями,
И гублю своих ближних своими сандалями?

* * *

Никто ведь не должен тебе ничего.
Ты праздника хочешь? Придумай его.
По песне тоскуешь? Так песню сложи
И всех окружающих приворожи.
По свету скучаешь? Чтоб радовал свет
Ты сам излучай его. Выхода нет.

* * *

Спасибо, что погода есть.
Она ведь есть у нас всё время.
То дождик капает на темя,
То сушь и впору в воду лезть.

Я в среду рада, что среда.
В субботу рада, что суббота.
Мне быть счастливой так охота,
Ну, так охота, что беда.

* * *

Четверг пока необитаем.
К нему мы только подлетаем,
И гаснет окон череда.
Это кончается среда.
И вот уже мы близко вроде
К чему-то, чего нет в природе.

* * *

Ютась на маленьком отрезке
Пространства, времени, пути,
Проснуться около пяти
И, поглядев на занавески,
Увидеть: их меняя цвет,
В них робкий прячется рассвет.
«Входи, — зову его, — с рождением!»,
А он мне: «С ранним пробуждением!».

* * *

Не договаривают все:
И старцы мудрые, и дети,
Речушка в средней полосе,
Ромашка в поле и в букете.
И скрытен день, и ночь темнит,
И утро тихой тайне радо.
Сама судьба секрет хранит.
Не договаривай. Не надо.

* * *

Если ты музыкант, значит должен любить тишину
И, её нарушая, испытывать должен вину,
А вернее, стремление быть на такой высоте,
Чтоб Господь подтвердил: это звуки те самые, те,
Что способны соперничать с музыкой той тишины,
Той бесценной, которой по воле твоей лишены.

* * *

А мама собирается на бал,
И жемчуг бел, и цвет помады ал,
На стуле серебрится чернобурка —
Её не любит мамина дочурка.
Берет не любит, что с распялки снят
И платье из панбархата до пят.
Ведь, значит, мама из дому уходит
И дочкин праздник из дому уводит.
Не надо было маму отпускать.
Вот где, скажи, теперь её искать?

* * *

Я от нежности таю, как тает на солнце снегурка.
Я от нежности таю к любому мгновению дня.
Мама, видишь оттуда во что превратилась дочурка?
Я от нежности таю. Почти не осталось меня..

Да и день со мной нежен. К губам прикоснулся снежинкой,
Лёгким тельцем небесным, весёлым своим светлячком.
Мама, видишь оттуда как таю над дивной картинкой,
Той, что сотворена на едином дыханье, молчком?

* * *

А тогда, на начальном этапе
Рисовала я солнце на папе,
А, вернее, на снимке его.
Я не знала о нём ничего.
Лишь одно — его мина убила.
Но так сильно я папу любила —
Рисовала на нём без конца.
Вышло солнышко вместо лица.

* * *

Посвящаю Вале и Ларисе Резникам

Нет, послушай, когда я работала в школе,
Я стишок задала второкласснику Коле
И забыла спросить. Ну а он весь урок
Повторял про себя эти несколько строк.
Повторял про себя и шептал их соседу.
Но не вспомнила я ни во вторник, ни в среду.
А однажды пришла ко мне Колина мать
И, смущаясь, сказала: «Не может он спать.
То ночами зубрит, то проснётся с рассветом».
Не приди она, я б не узнала об этом.
Боже, сколько же их — тех неведомых Коль,
Кому я причинила нечаянно боль.

* * *

Болела моя детская душа:
Я утопила в море голыша,
Случайно утопила в бурном море.
Насмарку лето. Ведь такое горе.
Купили паровозик заводной,
Но нужен был единственный, родной
Голыш — нелепый бантик на макушке.
А жизнь, как оказалось, не игрушки.

* * *

Ну а если я что и открыла, то настезь окно.
Ни страны, ни вакцины, ни формулы не открывала.
Но зато как приветливо ветка в окно мне кивала,
Будто очень хотела со мной быть во всём заодно.
Всё же чем не открытие в царстве сует и тревог
В летних окнах распахнутых ласковый этот кивок.

* * *

Чтоб здесь подольше задержаться,
Нужны какие-то зацепки.
Как солнышко начнёт снижаться,
Шалашиком поставим щепки,
И, коль погода не сырая,
Соорудим костёр вечерний —
Предполагаемого рая
Небесного Эдем дочерний.
Пусть между нами целый вечер
Танцует искорка живая,
С теплом и светом наши встречи
Хоть ненадолго продлевая.

2000–2009

* * *

Дитя лежит в своей коляске.
Ему не вырасти без ласки,
Без млечной тоненькой струи.
О Господи, дела твои.

Тугое новенькое тельце
Младенца, странника, пришельца,
Который смотрит в облака,
На землю не ступив пока.

* * *

Поверь, возможны варианты,
Изменчивые дни — гаранты,
Того, что варианты есть,
Снежинки — крылышки, пуанты —
Парят и тают, их не счесть.
И мы из тающих, парящих,
Летающих, заживо горящих
В небесном и земном огне, —
Царящих и совсем пропащих
Невесть когда и где, зане
Мы не повязаны сюжетом,
Вольны мы и зимой и летом
Менять событий быстрый ход
И что-то добавлять при этом,
И делать всё наоборот,
Менять ремарку «обречённо»
На «весело» и, облегчённо
Вздохнув, играть свой вариант,
Чтоб сам Всевышний увлечённо
Следил, шепча: «Какой талант!»

* * *

Откуда всхлип и слабый вздох?
Из жизни, пойманной врасплох,
И смех оттуда,
И вешних птиц переполох,
И звон посуды,
И чей-то окрик: «Эй, Колян!»,
И сам Колян, который пьян
Зимой и летом,
И море тьмы, и океан
Дневного света.

* * *

Жить в краю этом хмуром, в Евразии сумрачной трудно.
Всё же есть здесь и радости. И у меня их немало.
Например, здесь рябина пылала по осени чудно.
Например, я тебя, мой родной, по утру обнимала.
Сыновей напоила я чаем со сдобным печеньем.
А когда уходили махала им вслед из окошка.
Нынче день отличался каким-то особым свеченьем.
Разве есть на земле неприметная мелкая сошка?
Что ни особь, то чудо и дар, и судьба, и явление.
Разве может такое простой домовиной кончатся?
После жизни земной обязательно ждёт нас продленье,
Да и здесь на земле неземное способно случаться.

* * *

Ну чем не муза, чем не муза —
Щенячье розовое пузо?
А нос, щенячий чуткий нос, —
Он влажен, как охапка роз,
Покрытая росой, а ухо
Сигналит нам: «Полундра, муха!»
А хвост... О, эта речь хвоста!
Кто скажет, что она проста?
В ней и поэзия, и проза,
И грусть, и нежность, и угроза.

* * *

Творенье — разве это труд?
Синь неба, листьев изумруд,
Цветок, что на земле родился,
Да разве наш Господь трудился?
Вдохнул и выдохнул — и вот
Земная твердь, небесный свод.

* * *

Всё способно умереть,
Потому что живо, живо,
В час весеннего разлива
Силам — таять, птицам — петь

Тают в небе облака,
Тает снежная одежда,
Лишь последняя надежда
Не растаяла пока.

* * *

Боже мой, какое счастье!
Всё без моего участия —
Ливень, ветер и трава,
И счастливые слова,
Что в загадочном порядке
Появляются в тетрадке.

* * *

У музыки моей на лице конопушки.
То в чаще живёт она, то на опушке,
То возле кормушки, то возле пруда.
И что ни диктует мне — всё ерунда:
Ни сложных метафор, ни умных наречий
А просто обычный язык человеческий.

* * *

Чуть-чуть пишу, чуть-чуть читаю,
Но больше всё-таки летаю.
Летаю я куда хочу:
То в день грядущий залечу,
То залечу я в день давнишний,
Где сад был с яблоней и вишней,
Где детям было мало лет.
Ей-богу, мне прощенья нет —
Ведь небо нынче так лучилось,
А я вот снова отлучилась.

* * *

Неуютное местечко.
Здесь почти не греет печка —
Вымирают печники.
Ветер с поля и с реки
Студит нам жильё земное,
А тепло здесь наживное:
Вот проснулись стылým днём,
Надышали и живём.

* * *

Как под яблоней неспелый,
Несъедобный плод лежит...
Видит Бог, хочу быть смелой,
А душа моя дрожит.
И чего она боится
Под неспелых яблок стук?
Страшно ей, что жизнь продлится,
Страшно, что прервётся вдруг.

* * *

Одинокий лист безродный
Проплывал по глади водной.
Лист течением несло...
Было пятое число,
Но оно уже кончалось...
Ветка голая качалась...
Как тебе на свете быть,
Бедный хомо? Дальше плыть,
Плыть во времени текучем.
Бедный, бедный, чем ты мучим?
Что бы ни было — плыви
С красным шариком в крови.

* * *

И этот день кончается,
А жить не получается.
Но коль еще помучиться,
То, может, и получится.

* * *

Не умираем никогда.
Несутся мимо электрички,
Шуршит трава, щебечут птички,
Поют электропровода.

Шумят эдемские сады,
Струится облачное млеко.
Июньский день. Начало века.
На тропах влажные следы.

* * *

Лене Колат

Рисунки тушью и углём...
О чём так горестно поём?
О чём поёт штришок мгновенный —
Итог любви самозабвенной?

О том лишь только и поёт,
Что жизнь — стремительный полёт
Из тьмы на свет, во тьму из света
И вечна только песня эта.

* * *

Да не знать нам ни тягот, ни муки.
Чьи-то лёгкие, лёгкие руки
Приподнимут нас и понесут
Над землёй, как хрустальный сосуд.
Над отвесными скалами, мимо
Чёрной бездны. Да будем хранимы
И лелеемы, и спасены,
В даль пресветлую унесены.

* * *

А ещё я забыла сказать,
Что свободно могу осязать
То мгновенье, которое будет,
Луч, который нас завтра разбудит,
День, который ещё не настал,
Дождь, который давно перестал,
Весть, что в окна вот-вот постучится,
И беду, что не скоро случится.

* * *

Вы меня слышите там, вдалеке?
Видите, к вам я иду налегке.
Видите, к вам я всё ближе и ближе.
Пёс мой покойный мне руки оближет.
Он не навеки — земной этот кров.
Встретимся с вами без слёз и без слов.
Все мы, с земного сошедшие круга,
Просто затихнем в объятьях друг друга.

* * *

Столько нежности, Господи. Воздух, крыло.
Третий день снегопад. Даже ночью бело.
Столько нежности, Господи, маленьких крыл,
Будто Ты мне все тайны сегодня открыл.
Не словами, а прикосновеньем одним
К волосам и губам, и ресницам моим.

* * *

Уходить нельзя отсюда,
Здесь не вымыта посуда,
Не застелена постель,
Не вполне понятна цель
Пребывания земного,
Завтра буду думать снова,
И, наверное, опять
Мало что смогу понять.

* * *

Здесь мостик над речкой дощатый и узкий,
Здесь даже трава понимает по-русски.
Здесь так хорошо обо всём говорить
И в поле заросшем тропинку торить,
И, кажется, могут и травы, и речка
Едва я запнусь подсказать мне словечко.

* * *

А я пришла сюда за светом,
За вразумительным ответом,
За добрым словом, за участием,
Короче, я пришла за счастьем.

И все сюда пришли за этим.
Что в результате мы ответим,
Когда нас спросят: «Сердце радо?»
Не надо спрашивать, не надо.

II. МЕЖДУ ОБЛАКОМ И ЯМОЙ:

СТИХИ 1964-1999 ГГ.

1990-1999

* * *

Нельзя так серьёзно к себе относиться,
Себя изводить и с собою носиться,
С собою вести нескончаемый бой
И в оба глядеть за постылым собой,
Почти задохнувшись, как Рим при Нероне.
Забыть бы себя, как багаж на перроне.
Забыть, потерять на огромной земле
В сплошном многолюдье, в тумане, во мгле.
Легко, невзначай обронить, как монету:
Вот был и не стало. Маячил и нету.

* * *

Местоименье «Я» имеет место быть,
Неосторожность жить, дышать неосторожность,
И без него — ни дня, и как его забыть
И дать ему не быть какою-то возможность
Хотя бы день иль два? ... Но я жива, жива,
Всегда при мне права на этой жизни сложность,
На голубой покров, вернее, покрова
Небес и на слова — их силу и ничтожность.
Тянула «Я-а-а» да «Я-а-а», а зазвучало «а-а-а»,
И буква, что была последней в алфавите,
Вдруг стала первой, да, и в этом вся беда,
И в этом корень зла. Не надо, не тяните.
И всё же «АЗ» да «АЗ», «АЗ ЕСМЬ» — в сотый раз
Творится вечный сказ, прядутся жизни нити,
И вспыхнул звездный час, и вспыхнул и погас,
И нету буквы «АЗ» перее в алфавите.

* * *

Эти поиски ключей
В кошельке, в кармане, в сумке,
В искромётности речей
И на дне искристой рюмки,
В жаркий полдень у реки
И на пенной кромке моря,
И в пожатии руки,
И в сердечном разговоре,
И когда не спишь ночей,
Вдохновенно лист марая...
Эти поиски ключей
От потерянного рая.

* * *

Концы с концами я свожу
Путем рифмовки.
Над каждым словом ворожу,
Движеньем ловким
Приделав лёгкие крыла
К слогам конечным,
Чтоб вечно музыка была
В пространстве вечном.
И где грозили небеса
Концом летальным,
Легко летают словеса
В наряде бальном.
Танцует смертная тоска —
Крылами машет,
И жизнь, что к гибели близка,
Поёт и пляшет.

* * *

Памяти Юры Карабчиевского

Уйти легко, а вот остаться
На этом свете, то есть сдатьсь
На милость предстоящих лет
Непросто. Проще сдать билет.
И ни хлопот тебе, ни давки —
Сплошные радости неявики:
Не значусь, не принадлежу,
С опаской в завтра не гляжу.

* * *

Время пишет бегущей строкой,
Пишет тем, что найдёт под рукой
Второпях, с одержимостью редкой, —
Карандашным огрызком и веткой,
И крылом над текучей рекой.
Пишет густо и всё на ходу,
С нормативным письмом не в ладу.
И поди разбери его руку —
То ли это про смертную муку,
То ль о радостях в райском саду.

* * *

Московское детство: Полянка, Ордынка,
Стакан варенца с Павелецкого рынка —
Стакан варенца с незабвенною пенкой,
Хронический кашель соседа за стенкой,
Подружка моя — белобрысая Галка.
Мне жалко тех улиц и города жалко,
Той полудеревни домашней, давнишней —
Котельных её, палисадников с вишней,
Сирени в саду и трамвая «Букашки»,
И синих чернил, и простой промокашки,
И вздохов своих по соседскому Юрке,
И маминых бот, и её чернобурки,
И муфты, и шляпы из тонкого фетра,
Что вечно слетала от сильного ветра.

* * *

Если память жива, если память жива,
То на мамином платье светлы кружева
И магнолия в рыжих её волосах,
И минувшее время на хрупких часах.
Меж холмами и морем летят поезда,
В южном небе вечернем пылает звезда,
Возле пенистой кромки под самой звездой
Я стою рядом с мамой моей молодой.

* * *

Откуда ты?
 Как все — из мамы,
Из темноты, из старой драмы,
Из счастья пополам с бедой,
Из анекдота с бородой.
 Ну а куда?
Туда куда-то,
Где все свежо: цветы и дата,
И снег, и елка в Новый год,
И кровь, и боль, и анекдот.

* * *

Лёгкий крест одиноких прогулок...

О. Мандельштам

Пишу стихи, причём по-русски,
И не хочу другой нагрузки,
Другого дела не хочу.
Вернее, мне не по плечу
Занятие иного рода.
Меня волнует время года,
Мгновенье риска, час души...
На них точу карандаши.
Карандаши. Не нож, не зубы.
Поют серебряные трубы
В соседнем жиденьком лесу,
Где я привычный крест несу
Своих лирических прогулок.
И полон каждый закоулок
Души томлением, тоской
По женской рифме и мужской.

* * *

Устаревшее — «сквозь слёз»,
Современное — «сквозь слёзы» —
Лишь одна метаморфоза
Среди тьмы метаморфоз.
Всё меняется, течёт.
Что такое «штука», «стольник»
Разумеет каждый школьник,
И детсадовец сечёт.
Знают, что «тяжелый рок» —
Это вовсе не судьбина,
А звучащая лавина,
Звуков бешеных поток.
От скрежещущих колёс,
Вздутых цен и дутых акций —
Обалдев от всех новаций,
Улыбаемся сквозь слёз.

* * *

Ждали света, ждали лета,
Ждали бурного расцвета
И благих метаморфоз,
Ждали ясного ответа
На мучительный вопрос.
Ждали сутки, ждали годы
То погоды, то свободы,
Ждали, веря в чудеса,
Что расступятся все воды
И дремучие леса...

А пока мы ждали рая,
Нас ждала земля сырая.

* * *

Спасибо тебе, государство.
Спасибо тебе, благодарствуй
За то, что не всех погубило,
Не всякую плоть изрубило,
Растлило не каждую душу,
Не всю испоганило сушу,
Не все взбаламутило воды,
Не все твои дети — уроды.

* * *

*Ренэ Герра, ставшему символом
возвращения России в Россию*

Неужели Россия, и впрямь подобрев,
Поклонилась могилам на Сент-Женевьев?
Неужели связует невидимый мост
С Соловецкой землёй эмигрантский погост?
На чужбине — часовня и крест, и плита,
А в Гулаге родном — немота, мерзлота,
Да коряги, да пни, да глухая тропа,
Где ни тронь, ни копни — черепа, черепа.

* * *

Кнутом и пряником. Кнутом
И сладким пряником потом.
Кнутом и сдобною ватрушкой...
А ежели кнутом и сушкой,
Кнутом и корочкой сухой?
Но вариант совсем плохой,
Когда судьба по твари кроткой —
Кнутом и плёткой, плёткой, плёткой.

* * *

Опять минуты роковые.
Опять всей тяжестью на вые
Стоит История сама
И сводит смертного с ума.
И гнёт деревья вековые.
И снова некогда дышать
И надо срочно поспешать
В необходимом направленье,
Осуществляя становленье
И помогая разрушать.
А что до жизни до самой —
То до неё ли, милый мой?
И думать не могли об этом:
Мятеж весной, реформы летом
И перевыборы — зимой.

* * *

Оживление в больничке:
Поутру запели птички,
Принесли благую весть
К нам в палату номер шесть.
Весть о том, что скоро лето,
Скоро станет больше света,
Больше радости для глаз
Даже в Кашенко у нас.
Даже в нашем заведенье
Станет радостнее бденье
И ещё бессвязней бред
Тех, кто солнышком согрет.

* * *

Так и маемся на воле,
Как бездомные,
То простые мучат боли,
То фантомные.
Ломит голову к ненастью,
В сердце колики...
Сядем, братья по несчастью,
Сдвинув столики.
Сдвинем столики и будем
Петь застольную,
Подарив себе и людям
Песню вольную,
Всё болезненное, злое
И дремучее
Переплавив в неземное
И певучее.

* * *

А между тем, а между тем,
А между воспалённых тем
И жарких слов о том, об этом
Струится свет. И вечным светом
Озарены и ты, и я,
Пропитанные злобой дня.

* * *

Всё вполне выносимо, но в общих чертах,
А в деталях... постылые эти детали!
Не от них ли мы так безнадежно устали,
И особенно те, кто сегодня в летах.
Эти ритмы попсовые над головой,
Эта дрель за стеной, что проникла в печёнки,
Уголовного вида хозяин лавчонки,
Одинокой собаки полуночный вой,
Этот ключ, что, хоть тресни, не лезет в замок,
Полутёмный подъезд и орущие краны,
Тараканы и мыши, и вновь тараканы,
В жаркой схватке с которыми всяк изнемог.
Бог деталей, я всё же не смею роптать.
То ли Ты мне шепнул, то ли выскочка-дьявол,
Что на тех, кто в мирском этом хаосе плавал
И тонул, — лишь на них снизойдёт благодать.

* * *

И ты попался на крючок,
И неба светлого клочок
Сиял, пока крючок впивался
И ты бессильно извивался,
Стремясь на волю, дурачок.
Тебе осталось лишь гадать,
Зачем вся эта благодать
И для чего тебя вдруг взяли,
Из тьмы беспомыслия изъяли,
Решив земное имя дать.

* * *

«Всё страньше и страньше...»

Л. Кэрролл. «Алиса в стране чудес»

Всё страньше жизнь моя и страньше,
Ещё странней она, чем раньше,
Ещё причудливей, чудней,
Ещё острее тоска по ней —
Чудной и чудной. Что же дальше?
А дальше — тишина, стена...
Смотри-ка, лампа зажжена
В чужом окне, где жизнь чужая
Проходит, старый провожая
И привечая новый миг.
Попробуй не сорвись на крик
И не воскликни: «Стой, мгновенье,
Постой», — но ветра дуновенье
Возможно ли остановить?
Сухие губы шепчут: «Пить».
А может — «Жить». Дадут напиться,
Но жажда вряд ли утолится.
И длится бег ночей и дней,
Чей тайный смысл всё темней,
А видимый — и чужд и странен...
Любой из нас смертельно ранен
И мучим жаждой без конца,
А из тяжелого свинца
Небесного всё льют живые
Живые воды дождевые.

* * *

Не вмещаю, Господи, не вмещаю.
Ты мне столько даришь. А я нищаю:
Не имею ёмкостей, нужной тары
Для даров твоих. Ожидаю кары
От тебя за то, что не стало мочи
Всё вместить. А дни мои всё короче
И летят стремительно, не давая
Разглядеть пленительный отблеск края
Небосвода дивного в час заката...
Виновата, Господи, виновата.

* * *

Идут по свету дяди, тётки,
И все они в конечном счёте
Куда-нибудь придут.
Ну а душа — она в полёте,
Она ни там, ни тут,
Коль есть она. А если нету,
Придётся бедному поэту
Вот так писать в тиши:
«Людской поток течёт по свету,
Течёт — и ни души».

* * *

Во влажные кусты жасмина
Лицом зарыться, в белый куст,
И ничего не знать помимо
Того, что день, как небо, пуст,
Как небо, пуст, как небо, светел.
— Ты кто? — спросила я его. —
Среда? Суббота? — Не ответил
Мне день тишайший ничего.
— Который час? Число какое? —
Спросила. Он не отвечал,
И я оставила в покое
Его, чтоб он не осерчал.
А он сиял, сиял и длился,
Не зная рамок и тисков,
Пока однажды не пролился
Дождём бесшумных лепестков.

* * *

Не стоит жить иль всё же стоит —
Неважно. Время яму роет,
Наняв тупого алкаша.
Летай, бессмертная душа,
Пока пропойца матом кроет
Лопату, глину, тяжкий труд
И самый факт, что люди мрут...
Летай душа, какое дело
Тебе, во что оденут тело
И сколько алкашу дадут.
Летай, незримая, летай,
В полёте вечность коротай,
В полёте, в невесомом танце,
Прозрачайшая из субстанций,
Не тай, летучая, не тай.

* * *

Я опять за своё, а за чьё же, за чьё же?
Ведь и Ты, Боже мой, повторяешься тоже,
И сюжеты Твои не новы,
И картинки Твои безнадежно похожи:
Небо, морось, шуршанье травы...
Ты — своё, я — своё, да и как же иначе?
Дождь идёт — мы с Тобою сливаемся в плаче.
Мы совпали. И как не совпасть?
Я — подобье Твоё, и мои неудачи —
Лишь Твоих незаметная часть.

* * *

Хоть бы памятку дали какую-то, что ли,
Научили бы, как принимать
Эту горькую жизнь и как в случае боли
Эту боль побыстрее снимать.
Хоть бы дали инструкцию, как обращаться
С этой жизнью, как справиться с ней —
Беспощадной и нежной — и как с ней прощаться
На исходе отпущенных дней.

* * *

Когда сгину, Господи, когда сгину,
На кого покину я ту осину,
На ветру дрожащую, эти тропы,
Эти дни, скользящие, как синкопы,
На кого покину я птичью стаю,
Три сосны, в которых всегда блуждаю,
Эту золотистую листьев пену...
Подыщи же, Господи, мне замену.

* * *

На линии огня, огня,
Где плавится остаток дня
И полыхает, полыхает
И постепенно затухает,
Всевышний, не щади меня!
Пускай сгорит в Твоём огне
Всё опостылевшее мне
Во мне самой. Но если что-то
Ещё пригодное для взлёта
Откроешь Ты на глубине,
На самой... Но чего хочу?
Советую Тебе, учу...

1980–1989

Любовь до гроба.
Жизнь до гроба.
Что дальше — сообщат особо.
И если есть там что-нибудь,
Узнаешь. А пока — забудь.
Забудь и помни только это:
Поля с рассвета до рассвета,
Глаза поднимешь — небеса,
Опустишь — травы и роса.

Между облаком и ямой,
Меж берёзой и осиной,
Между жизнью лучшей самой
И совсем невыносимой,
Под высоким небосводом
Непрестанные качели
Между босховским уродом
И весной Боттичелли.

* * *

Пахнет мятой и душицей.
Так обидно чувств лишиться,
Так обидно не успеть
Все подробности воспеть.
Эти травы не увидеть —
Всё равно, что их обидеть.
Позабыть живую речь —
Всё равно, что пренебречь
Дивной музыкой и краской.
Всё на свете живо лаской.
Жизнь, лишённую брони,
Милосердный, сохрани.

* * *

И проступает одно сквозь другое:
Злое и чуждое сквозь дорогое,
Гольная правда сквозь голый муляж,
Незащищённость сквозь грубый кураж,
Старый рисунок сквозь свежую краску,
Давняя горечь сквозь тихую ласку,
Сквозь безразличие жар и любовь,
Как сквозь повязку горячая кровь.

* * *

Опять этот темп — злополучное «presto»,
И шальные души срываются с места
И мчатся, сшибаясь, во мгле и в пыли,
Как будто бы что-то завидев вдали,
Как будто вдали разрешенье, развязка,
И вмиг прекратится безумная пляска.
Неужто весь этот порыв и угар
Всего лишь музыка — бемоль и бекар;
Неужто наступит покой, передышка,
И ляжет на клавиши чёрная крышка?..
Неужто два такта всего до конца?
Семь нот в звукоряде. Семь дней у Творца.
И нечто такое творится с басами,
Что воды гудят и земля с небесами.

* * *

А я ещё живу, а я ещё дышу,
У вас, друзья мои, прощения прошу
За то, что не могу не обращаться к вам
И вы опять должны внимать моим словам.
Прощения прошу у ночи и у дня
За то, что тьму и свет изводят на меня,
Прощения прошу у рек и берегов
За то, что им вовек не возвращу долгов.

* * *

*Тамаре Владиславовне Петкевич
и её книге «Жизнь — сапожок непарный»*

И в чёрные годы блестели снега,
И в чёрные годы пестрели луга,
И птицы весенние пели,
И вешние страсти кипели.
Когда под конвоем невинных вели,
Деревья вишнёвые нежно цвели,
Качались озёрные воды
В те чёрные, чёрные годы.

* * *

Но в хаосе надо за что-то держаться,
А пальцы устали и могут разжаться.
Держаться бы надо за вехи земные,
За те, что не смыли дожди проливные,
За ежесекундный простой распорядок
С настольною лампой над кипой тетрадок,
С часами на стенке, поющими звонко,
За старое фото и руку ребёнка.

* * *

Такие творятся на свете дела,
Что я бы сбежала в чем мать родила.
Но как убегу, если, кроме Содома,
Нигде не имею ни близких, ни дома.
В Содоме живу и не прячу лица.
А нынче приветила я беглеца.
— Откуда ты родом, скажи Бога ради? —
Но сомкнуты губы и ужас во взгляде.

* * *

Пью этот воздух натошак,
По капле на желудок тощей...
Он окружён прозрачной рощей,
Весенней рощей, — мой очаг.
Глаза открою — птичий гам,
И по мгновениям летящим
Веду движением скользящим,
Как пальчиком по позвонкам.
Не кистью, не карандашом,
А только оголённым нервом
Соприкасаюсь с мигом первым,
Где тайна бродит нагишом.

* * *

Маме

Прости меня, что тает лёд.
Прости меня, что солнце льёт
На землю вешний свет, что птица
Поёт. Прости, что время длится,
Что смех звучит, что вьётся след
На той земле, где больше нет
Тебя. Что в середине мая
Всё зацветёт. Прости, родная.

* * *

Люби без памяти о том,
Что годы движутся гуртом,
Что облака плывут и тают,
Что постепенно отцветают
Цветы на поле золотом.
Люби без памяти о том,
Что всё рассеется потом,
Уйдёт, разрушится и канет,
И отомрёт, и сил не станет
Подумать о пережитом.

* * *

Не больно тебе, неужели не больно
При мысли о том, что судьба своевольна?
Не мука, скажи, неужели не мука,
Что непредсказуема жизни излука,
Что память бездонна, мгновение кратко?..
Не сладко, скажи, неужели не сладко
Стоять над текучей осенней рекою,
К прохладной коре прижимаясь щекою.

* * *

Телячьи нежности. Позор —
Все эти нежности телячьи,
Все эти выходки ребячьи,
От умиленья влажный взор.
Спешу на звук твоих шагов,
Лечу к тебе и поневоле
Смеюсь от счастья. Не смешно ли
Так выходить из берегов?
Неужто столь необорим
Порыв в разумном человеке?..
Но не стыдились чувства греки,
Стыдился чувств brutальный Рим,
Который так и не дорос
До той возвышенной морали,
Когда от счастья умирали,
Топили горе в море слёз.

* * *

То облава, то потрава.
Выжил только третий справа.
Фотография стара,
А на ней юнцов орава —
Довоенная пора.
Что ни имя, что ни дата —
Тень войны и каземата,
Каземата и войны.
Время тяжело виновато,
Что карало без вины,
Приговаривая к нетям.
Хорошо быть справа третьим,
Пережившим этот бред.
Но и он так смят столетьем,
Что живого места нет.

* * *

Перебрав столетий груды,
Ты в любом найдёшь Иуду,
Кровопийцу и творца,
И за истину борца.
И столетие иное
Станет близким, как родное:
Так же мало райских мест,
Те же гвозди, тот же крест.

* * *

Это всё до времени,
До зари, до темени,
До зимы, до осени,
До небесной просини.
Вздумаешь отчаяться,
А оно кончается.
Вздумаешь надеяться,
А оно развеется.

1970–1979

* * *

Ещё не всё, не всё. Ещё придёт черёд
И проливных дождей, и льдом покрытых вод.
Ещё шуршать травой и увязать в снегах.
И безмятежно жить. И жить в бегах, в бегах.
Дремать под стук колёс. Шагать под песнь скворца.
И в общем хоре петь о том, что нет конца
Ни жизни, ни любви. И будет песнь звенеть,
Когда уж мы с тобой её не будем петь.

* * *

Не мы, а воздух между нами,
Не ствол — просветы меж стволами,
И не слова — меж ними вдох —
Содержат тайну и подвох.
Живут в пробелах и пустотах
Никем не сыгранные ноты.
И за пределами штриха
Жизнь непрерывна и тиха:
Ни линий взбалмошных, ни гула —
Пробелы, пропуски, прогулы.
О мир, грешны твои тела,
Порой черны твои дела.
Хоть между строк, хоть между делом
Будь тихим-тихим, белым-белым...

* * *

Не спугни. Не спугни. Подходи осторожно,
Даже если собою владеть невозможно,
Когда маленький ангел на белых крылах —
Вот ещё один взмах и ещё один взмах —
К нам слетает с небес и садится меж нами,
Прикоснувшись к земле неземными крылами.
Я слежу за случившимся, веки смежив,
Чем жила я доселе, и чем ты был жив,
И моя и твоя в мире сём принадлежность —
Всё неважно, когда есть безмерная нежность.
Мы не снегом — небесной осыпаны пылью.
Назови это сном. Назови это былью.
Я могу белых крыльев рукою коснуться.
Надо только привстать. Надо только проснуться.
Надо сделать лишь шаг различимый и внятней
В этой снежной ночи на земле необъятной.

* * *

Где ты тут в пространстве белом?
Всех нас временем смывает,
Даже тех, кто занят делом —
Кровлю прочную свивает.
И бесшумно переходит
Всяк в иное измеренье,
Как бесшумно происходит
Тихой влаги испаренье,
Слух не тронув самый чуткий;
Незаметно и невнятно,
Как смещаются за сутки
Эти солнечные пятна.
Где ты в снах своих и бденье?
В беспредельности пространства
Только видимость владенья,
Обладанья, постоянства.

* * *

Ни горечь, ни восторг, ни гнев
И ни тепло прикосновений —
Лишь контуры домов, деревьев,
Дорог, событий и явлений.
У тех едва заметных рек,
Тех еле видимых излучин
Ещё и не был человек
Судьбою и собой измучен.
И линией волосяной
Бесплотный гений лишь наметил
Мир, что наполнен тишиной,
Без шёпота и междометий.
Да будут лёгкими штрихи,
Да будет вечным абрис нежный
И да не знать бы им руки,
Излишне пылкой иль прилежной...
Да научиться бы войти
В единый мир в час ранней рани,
Не покалеча по пути
Ни малой черточки, ни грани...

* * *

А лес весь светится насквозь —
Светлы ручьи, светлы берёзы,
Светлы после смертельной дозы
Всего, что вынести пришлось.
И будто нет следов и мет
От многих смут и многой крови,
И будто каждая из бед
На этом свете будет внове.
Вот так бы просветлеть лицом,
От долгих слёз почти незрячим,
И вдруг открыть, что мир прозрачен
И ты начало звал концом,
И вдруг открыть, что долог путь —
И ты тогда лишь не воспрянешь,
Когда ты сам кого-нибудь
Пусть даже не смертельно ранишь.

* * *

И всё равно я буду помнить свет.
И в пору тьмы, и на пороге смерти
Я не скажу, что в мире света нет,
А если и скажу, то мне не верьте.
Сплошная тьма у самого лица.
Но стоит сделать два нетвёрдых шага,
И вот уж под лучом струится влага
Какого-то лесного озера.
Мираж и сон? Воображенья плод?
И ночь кругом, и свет совсем не брезжит;
Но значит, где-то день и солнце нежит,
И огненно настурция цветёт.

* * *

Я вхожу в это озеро, воды колыша,
И колышется в озере старая крыша,
И колышется дым, что над крышей струится,
И колышутся в памяти взоры и лица.
И плывут в моей памяти взоры и лики,
Как плывут в этом озере светлые блики.
Всё покойно и мирно. И — вольному воля —
Разбредайтесь по свету. У всех своя доля.
Разбредайтесь по свету. Кочуйте. Живите.
Не нужны никакие обеты и нити.
Пусть уйдёте, что канете. Глухо. Без срока.
Всё, что дорого, — в памяти. Прочно. Глубоко.

* * *

Почему не уходишь, когда отпускают на волю?
Почему не летишь, коли отперты все ворота?
Почему не идёшь по холмам и по чистому полю,
И с горы, что полога, и на гору, ту, что крута?
Почему не летишь? Пахнет ветром и мятой свобода.
Позолочен лучами небесного купола край.
Время воли пришло, время вольности, время исхода —
И люблю тропу, из лежащих у ног, выбирай.
Отчего же ты медлишь, дверною щеколдой играя,
Отчего же ты гладишь постылый настенный узор
И совсем не глядишь на сиянье небесного края,
На привольные дали, на цепи неведомых гор?

* * *

Господи, не дай мне жить, взирая вчуже,
Как чужие листья чуждым ветром кружит;
Господи, оставь мне вёсны мои, зимы —
Всё, что мною с детства познано и зримо, —
Зори и закаты, звуки те, что слышу;
Не влечи меня ты под чужую крышу,
Не лиши возможности из родимых окон
Наблюдать за облаком на небе далёком.

* * *

Наступают сна неслышной
Снегопада времена —
Невесомые Всевышний
Густо сеет семена.
И кружится нам на зависть,
Не страшась судьбы своей,
Белый снег, едва касаясь
Крыш, заборов и ветвей;
И зовёт забыть усердье,
Пыл, отчаянье и страсть,
Между облаком и твердью
Тихо без вести пропасть.

* * *

Казалось бы, всё мечено,
Опознано, открыто,
Сто раз лучом просвечено,
Сто раз дождём промыто.
И всё же капля вешняя,
И луч, и лист случайный,
Как племена нездешние,
Владеют речью тайной.
И друг, всем сердцем преданный,
Давнишний и привычный, —
Планеты неизведанной
Жилец иноязычный.

* * *

Неужто этим дням, широким и высоким,
Нужны моих стихов беспомощные строки —
Миражные труды невидимых подёнок?
Спасение моё — живая плоть, ребёнок.
Дитя моё — моих сумятиц оправданье.
Осмысленно ночей и дней чередованье;
Прозрачны суть и цель деяния и шага
С тех пор, как жизнь моя — труды тебе на благо.
Благодарю тебя. Дозволил мне, мятежной,
Быть матерью твоей, докучливой и нежной.

* * *

*Людмиле Михайловне Алексеевой
в день её юбилея 20 июля 2017 г.*

Всё было до меня, и я не отвечаю.
Законов не пишу. На царство не венчаю.
Придумала не я, придумали другие,
Что хороша петля на непокорной вые.
Придумала не я, и я не виновата,
Что вечно не сыта утроба каземата.
Но чудится: с меня должны спросить сурово
За убиенных всех. За всех лишенных крова.

* * *

Иди сюда. Иди сюда.
Иди. До Страшного суда
Мы будем вместе. И в аду,
В чаду, в дыму тебя найду.
Наш рай земной невыносим.
На волоске с тобой висим.
Глотаем воздух жарким ртом.
На этом свете и на том
Есть только ты. Есть только ты.
Схожу с ума от пустоты
Тех дней, когда ты далеко.
О, как идти к тебе легко.
Всё нипочём — огонь, вода.
Я в двух шагах. Иди сюда.

* * *

К юной деве Пан влеком
Страстью, что страшнее гнева.
Он бежал за ней, но дева
Обернулась тростником.
Сделал дудочку себе.
Точно лай его рыданье.
И за это обладанье
Благодарен будь судьбе.
Можешь ты в ладонях сжать
Тростниковой дудки тело.
Ты вздохнул — она запела.
Это ли не благодать?
Ты вздохнул — она поёт,
Как холмами и долиной
Бродишь ты в тоске звериной
Дни и ночи напролёт.

* * *

А чем здесь платят за постой,
За небосвода цвет густой,
За этот свет, за этот воздух
И за ночное небо в звёздах?
Всё даром, — говорят в ответ, —
Здесь даром всё: и тьма, и свет.
А впрочем, — говорят устало, —
Что ни отдай, всё будет мало.

* * *

Неясным замыслом томим
Или от скуки, но художник
Холста коснулся осторожно,
И вот уж линии, как дым,
Струятся, вьются и текут,
Переходя одна в другую.
Художник женщину нагую
От лишних линий, как от пут,
Освобождает — грудь, рука.
Ещё последний штрих умелый,
И оживут душа и тело.
Пока не ожили, пока
Она ещё нема, тиха
В небытии глухом и плоском,
Творец, оставь её наброском,
Не делай дерзкого штриха,
Не обрекай её на блажь
Земной судьбы и на страданье.
Зачем ей непомерной данью
Платить за твой внезапный раж?
Но поздно. Тщетная мольба.
Художник одержим до дрожи:
Она вся светится и, Боже,
Рукой отводит прядь со лба.

* * *

А вместо благодати — намёк на благодать,
На всё, чем вряд ли смертный способен обладать.
О, скольких за собою увлёл ещё до нас
Тот лик неразличимый, тот еле слышный глас,
Тот тихий, бестелесный мятежных душ ловец.
Куда, незримый пастырь, ведёшь своих овец?
В какие горы, доли, в какую даль и высь?
Явись хоть на мгновенье, откликнись, отзовись.
Но голос твой невнятен. Влеки же нас, влеки.
Хоть знаю — и над бездной ты не подашь руки.
Хоть знаю — только этот почти неслышный глас —
Единственная радость, какая есть у нас.

* * *

Что плакать ночи напролёт?
Уж всё менялось не однажды,
И завтра там родник забьёт,
Где нынче гибнешь ты от жажды.
И где сегодня прах один
И по останкам тризну правят,
Там Ника, вставши из руин,
Легко сандалию поправит.

* * *

Точно свет на маяке,
Чей-то голос вдалеке,
Чей-то слабый голосок,
Как под ветром колосок.
Сквозь белёсый полумрак
Я иду за шагом шаг,
Я иду и не дышу,
И на голос тот спешу.
Отгорели все лучи.
Тихий голос, ты звучи.
В этом мире без лучей
Дальний голос, чей ты, чей?
Глас людской ли, пенье ль птах,
Пенье ль ветра в проводах?

1964–1969

Я знаю тихий небосклон.
Войны не знаю. Так откуда
Вдруг чудится: ещё секунда —
И твой отходит эшелон!
И я на мирном полустанке,
Замолкнув, как перед концом,
Ловлю тесьму твоей ушанки,
Оборотясь к тебе лицом.

На Беговой ли, на Садовой
Всё что-то роют криво-косо,
Колотят гирей стопудовой
И подвергают ветошь сносу
Под гуд и рёв машинной туши.
А по ночам, в глухой тиши, —
Ни звука. Ночью жгут и рушат
В пределах собственной души.

* * *

А. А. Тарковскому

Поверить бы. Икону
Повесить бы в дому,
Чтобы внимала стону
И вздоху моему.
И чтобы издалёка
В любое время дня
Всевидящее око
Глядело на меня.
И в завтра, что удачу
Несёт или беду,
Идти бы мне незрячей
У Бога на виду.

* * *

Не ждать ни переправы, ни улова,
Ни окрика, ни шороха, ни зова.
У леса, у глухого перелеска,
Средь синевы и тишины, и плеска,
На берегу, колени к подбородку,
Сидеть, следя недвижимую лодку
И слушая полуденные речи
Реки, не прерывая, не переча.

* * *

Купальщиков схлынул поток,
Забвение — грустный итог
Сезонных забав и пирушек.
И к берегу стынувших вод
Сегодня никто не придёт
Для отдыха и постирушек,
Не ступит на мокрый песок
И в тот приозёрный лесок,
Где дуб и берёза с осиною
На склоне осеннего дня
Своею печалью меня
Опутали, как паутиной.

* * *

И говорим о том о сём,
Покуда в сумерках пасём
Сухой листвы стада овечьи.
И бесконечны наши речи
О будущем, о вечных снах,
Об ускользящих годах,
Неизживаемых обидах...
О том, о чём и вдох и выдох.

* * *

Для грусти нету оснований,
Кочуем в длинном караване
Всех поколений и веков,
Над нами стая облаков,
А перед нами дали, дали...
И если полюбить детали,
Окажется, что мы богаты
Восходом, красками заката
И звуками, и тишиной,
И свистом ветра за стеной,
И тем, как оживают листья
Весной. И если в бескорыстье
Земных поступков наших суть,
Не так уж тяжек этот путь.

* * *

И всякий день — всё та же спешка,
И всякий день — орёл иль решка,
И то везёт, то не везёт
В том мире, где подтаял лёд
И где снега под вечер сизы,
Где каплет под лучом с карниза
И стало небо голубым,
И клонит южным ветром дым.

АЛФАВИТНЫЙ

УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

Содержание

А вместо благодати — намёк на благодать...	127
А где источник неувязок...	50
А ещё я забыла сказать...	84
А жить без боли, как не жить...	12
А лес весь светится насквозь...	119
А лучшие из лучших полегли....	33
А любовь до того молода, до того молода...	65
А люди всё бегут, бегут...	62
А мама собирается на бал...	71
А между тем, а между тем...	97
А можно поскулить...	59
А нынче вновь Творенья день...	17
А пока я доносила...	16
А стихи уже есть, раз их можно мычать...	68
А тишина — зазор меж звуками...	46
А тогда, на начальном этапе...	72
А чем здесь платят за постой...	125
А что касается меня...	20
А я ещё живу, а я ещё дышу...	107
А я люблю одну планету...	36
А я пришла сюда за светом...	86
А я тогда жила в раю...	38
Ах, к чему бы прислониться...	13
Боже мой, какое счастье...	79

Болела моя детская душа... ..	73
Во влажные кусты жасмина... ..	101
Вот ветер любит облако ваять... ..	54
Вот качнулась занавеска... ..	21
Вот опять обвели меня светлой каймой... ..	42
Вот чудо: хоть явилась старость... ..	27
Время пишет бегущей строкой... ..	90
Всё было до меня, и я не отвечаю... ..	123
Всё вполне выносимо, но в общих чертах... ..	98
Всё способно умереть... ..	79
Всё страньше жизнь моя и страньше... ..	99
Всё съела и хочу добавки... ..	45
Вы меня слышите там, вдалеке... ..	84
Где ты тут в пространстве белом... ..	117
Говорю уходящему дню... ..	44
Господи, не дай мне жить, взирая вчуже... ..	121
Господь рассвет провозгласил... ..	25
«Гуляйте, пейте. Я плачу»... ..	66
Да не знать нам ни тягот, ни муки... ..	83
Да никакой здесь жизни нет... ..	25
Да человек ведь жить собрался... ..	60
Да я бы отошла от дел... ..	26
Дитя лежит в своей коляске... ..	75
Для грусти нету оснований... ..	132
Ей-богу, легче стать любимым... ..	19
Если память жива, если память жива... ..	91
Если ты музыкант, значит должен любить тишину... ..	71
Есть тишина, и мне она внимает... ..	31
Ещё не всё, не всё. Ещё придёт черёд... ..	114
Ждали света, ждали лета... ..	94
Живи, живи, не отвлекайся... ..	49
Живётся трудно взрослым, детям... ..	47
Жизнь выкидывает штучки... ..	20

Жить в краю этом хмуром, в Евразии сумрачной	
трудно... ..	77
Займитесь чем-нибудь. Стихи читайте что ли... ..	29
Запоминаю не обиды... ..	38
Здесь мостик над речкой дощатый и узкий... ..	86
Здесь родилась и здесь же я росла... ..	51
И в чёрные годы блестели снега... ..	108
И всякий день — всё та же спешка... ..	132
И всё же самый ценный дар... ..	28
И всё равно я буду помнить свет... ..	120
И всё это — от полноты... ..	46
И говорим о том о сём... ..	131
И небо может быть чужим... ..	37
И новый день на свет явился... ..	23
И опять перешагнём... ..	34
И поцелуй в реке, просвеченной до дна... ..	64
И проступает одно сквозь другое... ..	106
И снова день, и снова мой... ..	23
И ты попался на крючок... ..	98
И этот день кончается... ..	82
Иди сюда. Иди сюда... ..	124
Иди, иди, пока идётся... ..	58
Идти по первому снежку... ..	63
Идут по свету дяди, тёти... ..	100
Идёшь с трудом? Идти далече... ..	30
К юной деве Пан влеком... ..	125
Казалось бы, всё мечено... ..	122
Как к этой жизни относиться... ..	49
Как назвать этот путь... ..	57
Как под яблоней неспелый... ..	81
Какая дивная возможность... ..	12
Какая нынче дозировка... ..	41
Какой же восторг я тогда испытала... ..	22
Какой нарядный нынче день... ..	24

Кнотом и пряником. Кнотом...	95
Когда рожает мама детку...	14
Когда сгину, Господи, когда сгину...	103
Когда уходишь, умоляю слёзно...	19
Коль Бог и есть, то Он не в Храме...	29
Коль радостей нет, то душа побирается...	12
Концы с концами я свожу...	89
Кто музыку такую сочинил...	30
Кто подтвердит, что я была...	14
— Кто пролетел? Кто прошуршал крылами...	52
Купальщиков схлынул поток...	131
Люби без памяти о том...	110
Любовь до гроба...	105
Между облаком и ямой...	105
Местоименье «Я» имеет место быть...	88
Мне воробей дорожку перешёл...	39
Мне только надо знать, что всё не зря...	27
Мне чудится: я здесь не зря торчу...	54
Можно вычислить время прилива...	62
Московское детство: Полянка, Ордынка...	90
Мы в этом мире не одни...	24
Мы с одиночеством вдвоём...	55
Мы чем занимаемся в этих краях...	32
На Беговой ли, на Садовой...	129
На линии огня, огня...	104
Наверно, главное — не спорить...	55
Наступают сна неслышной...	122
Не больно тебе, неужели не больно...	111
Не величие замысла, нет...	18
Не вмещаю, Господи, не вмещаю...	100
Не договаривают все...	71
Не ждать ни переправы, ни улова...	130
Не мешайте ребёнку сиять...	61
Не мы, а воздух между нами...	115

Не прекращаются поставки...	42
Не спугни. Не спугни. Подходи осторожно...	116
Не стоит жить иль всё же стоит...	102
Не умираем никогда...	82
Небо стоит того, чтобы снова проснуться...	53
Нельзя так серьёзно к себе относиться...	87
Нет, музыка вечна. Не вечны певцы...	36
Нет, мы не плачем, мы не плачем...	64
Нет, послушай, когда я работала в школе...	73
Нетленку пишут на коленке...	50
Неужели Россия, и впрямь подобрев...	95
Неужто этим дням, широким и высоким...	123
Неуютное местечко...	80
Неясным замыслом томим...	126
Ни горечь, ни восторг, ни гнев...	118
Никаких человеческих сил...	15
Никто ведь не должен тебе ничего...	69
Ничто не ново под луной...	30
Но в хаосе надо за что-то держаться...	108
Но это же время. Ну что с него взять...	52
Ну а если я что и открыла, то настезь окно...	74
Ну вот опять и я и лето...	67
Ну как бы мне новое слово сказать...	53
Ну чем не муза, чем не муза...	78
Ну что ж, вступи в единоборство...	56
Ну что не видала я тут в самом деле...	68
Ну что, мой милый, надышался...	64
О Господи, зачем ты нас завёл...	32
О сколь удивителен мир...	11
Одинокий лист безродный...	81
Оживление в больничке...	96
Опять здесь что-то попирают...	33
Опять минуты роковые...	96
Опять этот темп — злополучное «presto»...	107

Откуда всхлип и слабый вздох...	77
Откуда ты?...	91
Пахнет мятой и душицей...	106
Перебрав столетий груду...	112
Пишу стихи, причём по-русски...	92
Поверить бы. Икону...	130
Поверь, возможны варианты...	76
Под ногами крутИться и взрослым мешать.....	15
Пожары, взрывы там и тут...	40
Поскольку жизнь такая сложная...	57
Послушай, комарик, мы крови одной...	68
Почему не уходишь, когда отпускают на волю...	121
Проснулась с пересохшим ртом...	58
Проснулась я с чувством, что всё провалила...	45
Прости меня, что тает лёд...	110
Пью этот воздух натошак...	109
Рисунки тушью и углём.....	83
Сад поредел, потом зарос...	22
Сегодня от сердечной полноты...	31
Сказать, каков мой род занятий...	45
Слова даны, чтоб вечно не хватало...	48
Сначала он увлёкся мной...	28
Спасибо тебе, государство...	94
Спасибо, что погода есть...	70
Сперва снега, а после — таянье...	35
Стихи есть крик: «И я здесь был»...	17
Стихи — они ведь капля влаги...	13
Столько нежности, Господи. Воздух, крыло...	85
Так и маемся на воле...	97
Такие творятся на свете дела...	109
Творенье — разве это труд...	78
Тебе читали перед сном...	43
Телячьи нежности. Позор...	111
«Тихо, пусто», — подумала я по наивности...	69

То облава, то потрава... ..	112
То там, то сям звучат фрагменты... ..	18
Точно свет на маяке... ..	128
У музы моей на лице конопушки... ..	79
Увяла дружба, отцвела любовь... ..	53
Уйти легко, а вот остаться... ..	89
Устаревшее — «сквозь слёз»... ..	93
Уходить нельзя отсюда... ..	85
Хотите, опишу тоску... ..	67
Хоть бы памятку дали какую-то, что ли... ..	103
Четверг пока необитаем... ..	70
Что ж, будем дальше умолять... ..	66
Что ни сутки, то круглая дата... ..	65
Что плакать ночи напролёт... ..	127
Чтоб здесь подольше задержаться... ..	74
Чуть-чуть пишу, чуть-чуть читаю... ..	80
Эти поиски ключей... ..	88
Это всё до времени... ..	113
Ютясь на маленьком отрезке... ..	70
Я вхожу в это озеро, воды колыша... ..	120
Я говорю с пространством, с небом, с Богом... ..	63
Я ещё одну минутку... ..	48
Я за слова не отвечаю... ..	39
Я знаю тихий небосклон... ..	129
Я не могу себе позволить... ..	40
Я не могу сойти со сцены... ..	59
Я ничего не упустила... ..	34
Я опять за своё, а за чьё же, за чьё же... ..	102
Я от нежности таю, как тает на солнце снегурка... ..	72
Я ребёнком жила на счастливой планете... ..	44
Я снова в утреннюю смену... ..	56

